А. Г. БОБРОВ

Летописный свод митрополита Фотия

(Проблема реконструкции текста)[1]

1. Введение

В своем классическом труде по текстологии Д. С. Лихачев отметил: «Одним из важнейших средств оживления фактов и гипотез по истории текста служит реконструкция текста произведения на одном из этапов его жизни. С помощью реконструкции текстолог в известной мере может проверить свои предположения, сделать их наглядными и удобовоспринимаемыми».[2]

Очевидно отличие реконструкции от научного издания реально дошедшего до нас текста (с исправлением ошибочных чтений): в реконструкциях «текст восстанавливается в отдельных частях с разной степенью вероятности», поэтому реконструкции текста необходимо предпосылать особое исследование, в котором и должны оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу реконструкции.[3]

В истории изучения русского летописания особое место занимают выполненные А. А. Шахматовым реконструкции Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г.,[4] Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г.[5] и «Повести временных лет».[6] Достоинства и недочеты шахматовских реконструкций были детально проанализированы Д. С. Лихачевым.[7] Отметим здесь лишь принципиальное отличие предложенных А. А. Шахматовым реконструкций от «сводных» текстов, издававшихся еще в XVIII—XIX вв.:[8] исследователь стремился в первую очередь установить историю текста «Повести временных лет» и более ранних этапов летописания на основе изучения генеалогических связей всех известных спис-

---

[1] Исследование выполнено при поддержке Research Support Scheme (HESP No 308/1995)

[2] Лихачев Д С Текстология На материале русской литературы X—XVII веков 2-е изд , перераб и доп Л , 1983 С 462

[3] Там же С 464—465

[4] Шахматов А А Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб , 1908 С 539—610

[5] Там же С 611—629

[6] Шахматов А А Повесть временных лет Т 1 Вводная часть Текст Примечания Пг , 1916 80, 403 с

[7] Лихачев Д С Текстология С 472—476

[8] Ср , например, «сводный», никогда реально не существовавший текст «Повести временных лет» по всем опубликованным спискам Лейбович Л И Сводная летопись Вып 1 «Повесть временных лет» СПб , 1876

© А Г Бобров, 2001

ков летописей; он не просто пытался выявить некий «авторский», первоначальный текст (как это делал еще А. Л. Шлецер), а устанавливал этапы развития и изменения летописных текстов: своды, предшествующие «Повести временных лет», и далее — редакции этого важнейшего памятника. Даже в реконструкциях А. А. Шахматов стремился не допустить произвольной замены «худших» чтений «лучшими», что было характерно для многих изданий летописей, выполненных по старым принципам. В целом реконструкции А. А. Шахматова являются наглядной иллюстрацией к выводам исследователя об истории раннего русского летописания.

Несколько иной тип реконструкции текста «Повести временных лет» представлен в издании 1950 г. (подготовка текста Д. С. Лихачева).[9] Положив в основу издания текст Лаврентьевского списка 1377 г., публикатор внес в него значительное число исправлений и дополнений по другим спискам (с учетом данных истории летописания), выделив такие чтения курсивом и оговорив каждый случай в примечаниях. Опубликованный текст «Повести временных лет» не претендует на то, чтобы представлять какой-то определенный этап литературной истории памятника: использованы варианты, имеющие исторический, историко-культурный или собственно литературный интерес, и таким образом дается более или менее полный обзор содержания всех списков «Повести временных лет».[10] Такой подход к выбору принципов публикации текста в первую очередь определялся тем фактом, что это издание в серии «Литературные памятники» носило не столько чисто научный, сколько просветительский характер («издание для чтения»).[11]

Существует также реконструкция текста сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи, созданная М. Д. Приселковым.[12] Основывая свою реконструкцию не только на данных родственных летописных текстов, но и на счастливо сохранившихся разночтениях в готовившемся издании Лаврентьевской летописи Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова (1804 г.), а также на выписках Н. М. Карамзина (в «Истории государства Российского»), исследователь, однако, осторожно заметил: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложения и чтений».[13]

Разумеется, реконструкция текста реально существовавшей и использованной исследователями рукописи заметно отличается от реконструкции текста гипотетического летописного свода; степень достоверности последней неизбежно оказывается меньшей. Ни в коем случае нельзя рассматривать реконструкцию такого рода как реально существовавший текст — это лишь наглядная иллюстрация научной гипотезы. Реконструкция текста предполагаемого этапа в истории летописания создается не для того, чтобы ссылаться на него как на источник, а для того, чтобы проверить и проиллюстрировать выдвинутую автором текстологическую концепцию. Относительность достоверности текстов такого рода всегда следует учитывать в полной мере: «Разве не подтачивает время даже

---

[9] Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1—2. (сер. «Лит. памятники»); 2-е изд., испр. и доп.: СПб., 1996.

[10] Повесть временных лет. Ч. 2. С. 180.

[11] Различия между типами издания не принимаются во внимание Д. Островски, рассматривающим в равной степени публикации Л. И. Лейбовича, А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева как «сводные» (Ostrowski D. Textual Criticism and the Povest' vremennykh let: Some Theoretical Concideration // Harward Ukranian Studies. 1981, March. Vol. 5, N 1. P. 12—14).

[12] Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. 513 с.

[13] Там же. С. 24.

такие великолепные реконструкции, как реконструкции А А Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят незыблемо и будут служить еще много десятилетий» [14]

Целью данного исследования является попытка суммировать те сведения и представления о гипотетическом летописном своде начала XV в (Своде мирополита Фотия), которые сложились в результате текстологического исследования новгородских и, отчасти, московских летописей,[15] а также обосновать саму гипотезу о его существовании, очертить круг его источников, рассмотреть проблему его датировки и, наконец, дать представление о его реконструируемом составе.

2. История изучения летописного Свода Фотия

Существование не дошедшего до нас общерусского по своему характеру гипотетического летописного свода (или сводов) первой половины XV в. (упоминания и характеристику которого можно обнаружить во многих учебниках и обобщающих трудах по древнерусской литературе и историографии)[16] впервые было обосновано в трудах А А Шахматова [17] Установив, что текст Софийской 1 летописи (далее — С1) и Новгородской 4 летописи (далее — Н4) сходен вплоть до 6926 (1418) г, исследователь предположил, что в основе обоих памятников лежит общий протограф — новгородский «Свод 1448 г» (или «Новгородско-Софийский свод» в его же более поздней терминологии), в свою очередь восходивший к более ранней общерусской митрополичьей летописи — «Владимирскому Полихрону» 1423 г

М Д Приселков, развивая положения А А Шахматова, датировал первоначальный митрополичий свод 1418 г и назвал его «Фотиев Полихрон» или «Свод 1418 г», а «Свод 1448 г» предложил считать в равной степени митрополичьим [18] По мнению Д С Лихачева, Свод Фотия также

---

[14] Лихачев Д С Текстология С 471 Заметим, что Я С Лурье выдвинул (и в какой-то степени реализовал в своих исследованиях) достаточно спорную идею «о необходимости *предварительной* (курсив мой — *А Б*) реконструкции содержания не дошедших до нас сводов-протографов доступных нам летописей — для их определения и характеристики» (Лурье Я С Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей // Текстология славянских литератур Л, 1973 С 144) Если реконструкции летописных текстов недостаточно надежны даже в тех случаях, когда они представляют собой заключительную стадию исследования, то зыбкость результатов многократно увеличивается в случае «*предварительной*» реконструкции

[15] См Бобров А Г Новгородские летописи XV века (Исследование и тексты) Автореф дисс д-ра филол наук СПб, 1996 66 с

[16] См, например Орлов А С Лекции по истории древней русской литературы М, 1916 С 217—220, Петухов Е В Русская литература Древний период 3-е изд, испр и доп Пг, 1916 С 98—101, Тихомиров М Н Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в М, 1940 Т 1 С 111, История русской литературы М, Л, 1946 Т 2, ч 1 С 116—117, 257—260, История русской литературы X—XVII веков М, 1980 С 253—255, История русской литературы В 4 т Л, 1980 Т 1 С 194—195, История всемирной литературы В 9 т М, 1985 Т 3 С 475—477, Шапиро А Л Русская историография с древнейших времен до 1917 г Учебное пособие М, 1993 С 109—111, Литература и культура Древней Руси Словарь-справочник М, 1994 С 80, Литература Древней Руси Биобиблиографический словарь М, 1996 С 103, и мн др

[17] См Шахматов А А 1) Разбор сочинения И А Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова СПб, 1899 С 118—182 (особенно с 137—161), 2) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП 1900 Ч 331, № 9 Отд 1 С 90—176, 3) Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв М, Л, 1938 С 151—160, 366

[18] Приселков М Д История русского летописания XI—XV вв Л, 1940 С 142—151 (по новому изданию СПб, 1996 С 204—215) Далее сноски приводятся по изданию 1996 г

датируется 1418 г., но «Новгородско-Софийский свод» был создан не в Москве, а в Новгороде, при архиепископе Евфимии II.[19]

В цикле работ Я. С. Лурье убедительно опроверг общее со времен А. А. Шахматова представление о двух этапах редактирования общерусского летописания после свода типа Троицкой летописи (на основе этого прежнего представления выделялись как «Владимирский Полихрон» (Свод Фотия) 1418—1423 гг., так и «Свод 1448 г.» («Новгородско-Софийский свод 30—40-х гг. XV в.»)[20]). Доказав, что предположение о существовании обоих сводов текстологически необоснованно, Я. С. Лурье подошел к вопросу: «Не следует ли считать, что датировка Полихрона (1418—1423 гг.), так же как и его общая характеристика (как общерусского свода), может быть отнесена к непосредственному протографу С1—Н4?».[21] Вывод исследователя, однако, заключался в том, что гипотеза о существовании именно Полихрона Фотия является излишней, а основным митрополичьим сводом первой половины XV в. являлся «Свод 1448 г.», автора которого Я. С. Лурье даже назвал «Нестором XV века».[22]

Иной ответ на поставленный вопрос был предложен нами в статье 1993 г. Понимая, вслед за А. А. Шахматовым и его последователями, гипотетический летописный свод как общий источник С1 и Н4, я предложил датировать его не 30—40-ми гг. XV в. (или даже 1448 г.), а временем около 1418 г.[23]

Принципиально другой взгляд на проблему соотношения текстов летописей был предложен Г. М. Прохоровым, по мнению которого привлечение к текстологическому анализу неопубликованной Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК) в корне меняет всю картину.

НК сохранилась в единственном списке конца XV—начала XVI в. (РНБ, ОСРК, F.IV.603, л. 181—425 об.).[24] Особенностью НК является то, что она состоит из двух приблизительно равных по объему частей (подборок летописных известий), следующих в рукописи одна за другой: первой (далее — НК1; до 1411 г.: л. 181—301) и второй (далее — НК2; до 1428 г.: л. 302—425 об.). Существуют две основные точки зрения на происхождение этих летописных подборок. Согласно первой из них, выска-

---

[19] Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 305—317.

[20] В этой связи анахронизмом выглядит использование В. А. Кучкиным в текстологическом комментарии к изданию повестей о Куликовской битве обоих терминов (Свод 1423 г. и Свод 1430-х гг.). См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11, 45—47 и др.

[21] Лурье Я. С. 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // Там же. Л., 1974. Т. 28. С. 114—129; 3) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121; 4) Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199; 5) Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 15—16 и др.; 6) Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 37—38 и др.

[22] Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 28—38.

[23] Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20 (особенно с. 6—11); см. также: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века... С. 24—28. Б. М. Клосс придерживается абсолютно той же датировки свода — общего источника С1 и Н4 — 1418 г. и отвергает принятую в науке датировку 1448 г., однако не ссылается на мою статью, замечая лишь, что «пересмотр этой (традиционной. — *А. Б.*) датировки — тема особого исследования» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110—112, 116—117).

[24] Описание рукописи см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1878 год. СПб., 1879. С. 9, 14—15; Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX—XX; Клосс Б. М. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 63.

занной еще А. А. Шахматовым[25] и наиболее подробно аргументированной Я. С. Лурье,[26] НК1 и НК2 — это выборки из единого оригинала, которые невозможно рассматривать как самостоятельные памятники. Таким общим источником, согласно этой точке зрения, и является так называемый «Новгородско-Софийский свод».[27] Другой взгляд на происхождение НК1 и НК2 был высказан Г. М. Прохоровым, который предложил рассматривать подборки как самостоятельные, составленные в разное время летописные памятники.[28] Принципиальное отличие двух точек зрения заключается не только в отношении к НК1 и НК2 как к выборкам из единого текста (Я. С. Лурье) или как к самостоятельным текстам (Г. М. Прохоров), но и в интерпретации отношения между НК1 и С1: если Я. С. Лурье считает, что они отражают общий протограф — «Новгородско-Софийский свод», то Г. М. Прохоров настаивает на вторичности С1 по отношению к НК1. Спор между исследователями показал исключительное значение вопроса о происхождении летописных подборок НК. Предложенная Г. М. Прохоровым интерпретация привела его не только к отказу от гипотезы о существовании «Новгородско-Софийского свода», но и к пересмотру всей схемы истории русского летописания, в которой общерусский летописный свод (дошедший до нас в С1) рассматривался как создававшийся «протяженно во времени» начиная с 80-х гг. XII в. и до первой половины XV в.[29]

Текстологический анализ, проведенный Г. М. Прохоровым, показал, что летописные известия НК1 действительно в целом ряде случаев первичны по отношению к С1.[30] Я. С. Лурье, однако, имел возможность возразить своему оппоненту: «Если считать вслед за А. А. Шахматовым, что С1, Н4 (и НК) восходили к общему протографу, то естественно, что во всех этих летописях могли обнаруживаться и первичные, и вторичные чтения».[31]

Автором данной статьи первоначально принималось, что тексты С1, Н4, а также НК1 и НК2 восходят к одному общему источнику. В процессе изучения летописных текстов, однако, было подвергнуто пересмотру, вслед за Г. М. Прохоровым, представление о существовании свода, являвшегося общим источником (или протографом) С1 и Н4 («Новгородско-Софийского свода» или «Свода 1448 г.»). Этот пересмотр в значительной степени был основан на изучении соотношения текстов НК1 и С1. Были предложены новые (не привлекавшиеся Г. М. Прохоровым),

---

[25] Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 189—195.

[26] Лурье Я. С. 1) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218; 3) Две истории Руси XV века. С. 108—122.

[27] А. А. Шахматов, правда, полагал, что «протограф Карамзинского списка представлял собою соединение» двух летописей — Н4 и «Новгородско-Софийского свода» (свода-протографа Н4 и С1) (Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 193).

[28] Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

[29] Среди работ последних лет необходимо отметить также статью датского ученого Джона Линда, посвященную проблемам новгородского летописания XV в. (Lind J. In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages; Odense University, 20—21 November 1989). Odense, 1990. P. 65—81), в которой исследователь в целом присоединяется к точке зрения Г. М. Прохорова о первичности НК1 по отношению к С1, но приводит аргументы против возведения текста НК2 к С1 (Ibid. P. 81).

[30] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 174—177.

[31] Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 208.

имеющие, на наш взгляд, необратимую силу аргументы в пользу первичности текста НК1 по отношению к С1. Принципиально важным, на наш взгляд, явился анализ тех чтений, когда текст НК1 оказывается первичным не только по отношению к С1 (что показал Г. М. Прохоров), но и по отношению к общим, совпадающим чтениям С1 и НК2. Такого рода примеры невозможно подвергнуть сомнению предположением о лучшей сохранности в НК1 чтений гипотетического общего протографа С1—Н4—НК («Свода 1448 г.» или «Новгородско-Софийского свода»), ибо тогда пришлось бы говорить о независимом и случайном совпадении изменений текста в С1 и НК2. Признание этого текстологического соотношения между НК1 и С1 уже не позволяет утверждать, что С1 и Н4 напрямую восходят к общему протографу; наличие в этих летописях схожих текстов может и должно объясняться иначе. Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводам, подтверждающим текстологический анализ Г. М. Прохорова, и в нашей статье 1999 г. они были сформулированы следующим образом:

1. НК1 имеет самостоятельное, не связанное с С1, Н4 и их предполагаемым общим протографом происхождение. Текст НК1 первичен по отношению как к С1, так и к Н4 и НК2 (в тех случаях, когда между НК1 и НК2 имеются дублировки).

2. Составитель НК1 соединил два основных источника: с одной стороны, в границах до 1185 г. — центральнорусскую летопись[32] с «Повестью временных лет» в начале текста, а с другой — на всем протяжении своего труда, вплоть до 1411 г., — Новгородскую первую летопись (далее — Н1), открывающуюся Начальным сводом.[33]

3. Создание НК1 хронологически предшествовало появлению как С1, так и Н4. В таком случае НК1 — это первый опыт масштабного сведения традиционной новгородской летописи с центральнорусской.[34]

История создания НК1 понимается нами как своего рода «предыстория» возникновения общерусского митрополичьего свода, являющегося предметом данного исследования. Следует напомнить, что появление Свода 1408 г. (Троицкой летописи), по мнению М. Д. Приселкова, «не вызвало к себе сочувствия и произвело совершенно иное впечатление, чем то, на которое рассчитывала эта работа. Ее московский характер и пренебрежительное ее отношение к местным летописцам, очевидно, отозвалось весьма чувствительно...».[35] На этом фоне создание НК1 было событием неординарным, и анализ этого памятника в значительной степени может служить ключом к пониманию последующей истории летописания.[36]

---

[32] Г. М. Прохоров назвал этот источник «центральнорусской летописью типа Лаврентьевской», заметив, однако, что отдельными чтениями он сближается с Радзивиловской и Ипатьевской и что можно думать о его «каком-то родстве... с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.» (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 172—173).

[33] Сложный вопрос об отражении текста «Начального свода» в летописании XV в. (С1, Н4 и др.) заслуживает отдельного рассмотрения и в данном исследовании не анализируется.

[34] См. подробнее: Бобров А. Г. Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 107—136; см. также: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века... С. 13—18.

[35] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 202.

[36] Изучению вопроса о времени и месте сложения текста НК1 и проблеме его атрибуции была посвящена наша статья: Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16—19 мая 1995 года). Новгород, 1995. С. 89—101; см. также: Бобров А. Г. 1) Варлаам Лисицкий — новгородский книжник конца XIV—начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5; 2) Новгородские летописи XV века... С. 18—24. Для данного исследования прежде опубликованные наблюдения уточнены и дополнены.

3. Источник Свода Фотия — Свод 1411 г.

Сравнивая НК1 с ее источником — Новгородской первой летописью младшего извода (далее — Н1мл),[37] мы замечаем, что в заключительной годовой статье мартовского 6919 г. (март 1411—февраль 1412 г.)[38] составитель НК1 использовал весь текст, кроме самого последнего известия: «Сеи зимы ѣзди владыка Иоан на Москву к митрополиту Фотѣю».[39] Чем может объясняться это умолчание или пропуск?

Как известно, в сентябре 1406 г. умер митрополит Киприан, с которым новгородцы были настолько в плохих отношениях, что даже угрожали самому патриарху переходом в «латинство».[40] С именем Киприана исследователи связывают подготовку Троицкой летописи, законченной уже после его смерти, но, возможно, еще до приезда на Русь митрополита Фотия. Эта летопись весьма недоброжелательна по отношению к новгородцам.[41] Следующий митрополит, грек Фотий, прибыл на Русь только в 1410 г. (22 апреля) и почти сразу обратился к новгородцам с довольно дружественным посланием (29 августа того же года). Это послание было полностью включено в НК1 под 6918 (1410) г.

Уже в следующем 1411 г. состоялся упомянутый в Н1мл. визит новгородского архиепископа Иоанна в Москву к митрополиту Фотию. Поездка Иоанна в Москву к новому митрополиту была для него первой после некоторого перерыва в общении с московскими митрополитами. Предыдущая, как известно, состоялась в 1401 г. и закончилась тем, что митрополит Киприан продержал новгородского архиепископа более 3 лет под арестом.

Для более точной датировки новой поездки архиепископа Иоанна к митрополиту существенным оказывается указание Н4, сообщающей о ней несколько подробнее, чем Н1мл.: «Езди владыка Иванъ на Москву къ митрополиту Фотию, и тамо преставился Акимь дьяконъ марта 9 и положенъ бысть в монастыри святаго Иоанна Златоустаго внѣ града».[42] Так как 9 марта 1412 г. относилось уже к следующему мартовскому году, в Н4 это известие перенесено из 6919 г. соответственно в 6920 г. Пребывание новгородского посольства в Москве, таким образом, следует датировать концом 1411—началом 1412 г. (зима—начало весны).

Приблизительно в это время в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре была переписана рукопись (Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями), приписка к которой[43] имеет для нашей темы большое зна-

---

[37] Следует отметить, что Н1мл. в дошедшем до нас виде представляет собой более поздний вид текста, чем тот, который отразился в НК1, поэтому исследование заимствований НК1 из новгородского источника может иметь исключительно большое значение для установления истории текста Н1.

[38] О том, что в этой части летописи используется мартовский стиль летосчисления, см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301.

[39] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 403 (далее — НПЛ).

[40] См.: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 80—82.

[41] См., например, выписку из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина: «Таков бо есть обычай Новгородцев: часто правают ко Князю к Великому, и паки рагозятся, и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от Князь не прогневаша? или кто от Князь угоди им, аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?» (Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 282, примеч. 148).

[42] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 411—412.

[43] Цит. по: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980. № 74 (РНБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 156, л. 252—252 об.).

чение. В ней сообщается, в частности, следующее: «...съписася книга сия... на имя священноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последняго во иноцехъ, смереннаго многыми грехы Варлама. ...В лето 6920 написася божестъвенаа Лествица месяца октоврия в 14 день . въ обители преподобнаго игумена Сергиа. В то ж лето и священа бысть церкви в тои же обители месяца семптямрия въ 25 день...».[44]

Следует остановиться на вопросе о том, какой стиль летосчисления — мартовский или сентябрьский — использован в процитированной записи. По мнению Г. И. Вздорнова, «так как рукопись закончена Варлаамом во втором месяце нового (сентябрьского) года, при переводе на современное летосчисление вычитаем 5509 лет» [45] В таком случае как саму рукопись, так и освящение церкви в Троице-Сергиевом монастыре следует относить к 1411 г. Б. М Клосс, однако, полагает, что здесь применено мартовское летосчисление (в таком случае речь идет о 1412 г.), аргументируя эту точку зрения теми обстоятельствами, что 25 сентября (день освящения Троицкой церкви) 1412 г. исполнялся «20-летний юбилей со дня кончины» преп. Сергия Радонежского, и к тому же этот день являлся воскресным.[46] Вряд ли, однако, «юбилейные» соображения могли являться определяющими для троицких иноков начала XV в., а в 1411 г. 25 сентября была суббота, также вполне подходившая для освящения церкви. Существенным оказывается то обстоятельство, что в рукописи РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 165 (Поучения аввы Дорофея с прибавлениями), переписанной в том же Троице-Сергиевом монастыре в 1414 г., «на имя» того же священноинока Матфея, который был заказчиком и Лествицы Варлаама, используется, судя по всему, именно сентябрьский стиль летосчисления.[47] Таким образом, как написание Лествицы иноком Варлаамом, так и освящение Троицкой церкви следует относить не к 1412 г., а к 1411 г.

Хотя в записи инока Варлаама 1411 г. прямо указано место написания рукописи — Троице-Сергиев монастырь, Т. Б. Ухова считает заставку этой рукописи «вполне чуждой канону Троицкого монастыря».[48] «Выделение группы памятников, украшенных орнаментом, сходных с заставкой Лествицы, написанной иноком Варламом, — отмечает исследовательница, — позволило обнаружить еще один канон, который... можно связывать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке».[49] Т Б Ухова считает Варлаама «новгородским мастером, работавшим в Троице-Сергиевом монастыре», выходцем из Лисицкого монастыря.[50] Действительно, в записи Варлаам называет себя «странным», что можно понять как «путешествующим, иной области, странником».[51]

---

[44] Эта запись была использована В Н Лазаревым для датировки «Троицы» Андрея Рублева, написанной, как он считает, для деревянной Троицкой церкви 1411 г (Лазарев В Н Андрей Рублев и его школа М , 1966 С 33, 135—137)

[45] Вздорнов Г И Искусство книги в Древней Руси № 74

[46] Клосс Б М Житие Сергия Радонежского С 148

[47] «В лето 6922 индикта 7 месяца февруаря въ 8 день » (цит по Вздорнов Г И Искусство книги в Древнеи Руси № 75) Если предположить, что в этой записи использован мартовский стиль, то указанная дата соответствовала бы 8 февраля 6923 сентябрьского года, что дало бы не 7-й, а 8-й индикт

[48] Ухова Т Б «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство XIV—XV вв М , 1984 С 149

[49] Там же

[50] Там же С 150

[51] См Срезневский Материалы Т 3 С 540—541

Новгородский книжник Варлаам с Лисичьей горки хорошо известен источникам конца XIV—начала XV в. Наиболее раннее упоминание имени Варлаама Лисицкого датируется 1397 г. В приписке к Тактикону Никона Черногорца говорится, что «В лѣто 6905 (1397)... списана бысть книга сия святыи Никонъ въ Великомъ в Новѣгородѣ къ святѣи Богородицѣ честному ея Рожеству на Лисичью Горку... Вынеслъ бо бяше сия книгы святыи Никонъ изъ Святое Горы игуменъ Ларионъ того же монастыря. А тогда игуменьствующю Варламу, оученику его...».[52]

Из этого текста о Варлааме становится известно следующее: он был учеником игумена Лисицкого монастыря Илариона и после него (или во время отъезда Илариона на Святую гору) также выполнял игуменские обязанности.

Лисицкому монастырю, в котором Варлаам, вероятно, принял постриг и где он, во всяком случае, наверняка получал образование у своего учителя игумена Илариона и позже сам «игуменствовал», был посвящен ряд наших статей, основные выводы которых следует кратко повторить.[53] Было установлено, что эта обитель[54] являлась крупнейшим центром книгописания в Новгороде конца XIV—первой половины XV в.[55] В первую очередь обратили на себя внимание афонские связи книжников Лисицкого монастыря (инок Арсений и игумен Иларион совершили хожения на Святую гору и принесли оттуда рукописные книги — Устав монастырский и Тактикон Никона Черногорца; кроме того, переписанное в 1431 г. на Лисьей горе «Слово постническое» Максима Исповедника было переведено с греческого на Афоне всего шестью годами раньше — в 1425 г., причем Троицкие списки этого Слова, по предположению Р. П. Дмитриевой, были копиями Лисицкого).[56] Существует еще несколько фактов, говорящих о связи монастыря с афонской книжной традицией. В шести лисицких рукописях имеются заставки балканского стиля. По мнению Т. Б. Уховой, они созданы по одному канону, сложившемуся в монастыре на Лисичьей горе под влиянием именно афонской традиции, причем независимо от канона, созданного в книгописной мастерской Троице-Сергиева монастыря.[57] К проблеме влияния афонской традиции на книгописание Лисицкого монастыря примыкает вопрос о переходе в новгородских землях от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и о роли книжников Лисицкого монастыря в этом процессе. Как известно, переход от Студийского к Афонско-Иерусалимскому уставу и, следовательно, к новым редакциям книг, отражающим литургическую и дисциплинарную практику, совершался в Московской Руси при митрополите Киприане (1389—1406). В Новгороде, как показало исследование

---

[52] РНБ, F п I 41, л 222

[53] Бобров А Г 1) Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV—начале XVI в // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг Л , 1985 С 10—16, 2) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV—первая половина XV в) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв Разные аспекты исследования СПб , 1991 С 78—98, 3) Лисицкии Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород) 1997 № 1 С 19—21

[54] Лисицкий (на Лисьей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге, на берегу Малого Волховца В летописях он упоминается впервые под 1389 г , по-видимому, как уже существующий

[55] 12 рукописных книг конца XIV—первой половины XV в , связанных по своему происхождению с Лисицким монастырем, сохранились до наших дней, а еще две не сохранились, но мы имеем письменные свидетельства об их существовании (см подробнее Бобров А Г Книгописная мастерская Лисицкого монастыря С 78—98)

[56] Дмитриева Р П Четьи сборники XV в как жанр // ТОДРЛ Л , 1972 Т 27 С 158

[57] Ухова Т Б «Балканский стиль» С 149, 151

Е. М. Шварц, служебные минеи, составленные по новой редакции, появляются лишь при архиепископе Евфимии II в конце 30-х—начале 40-х гг. XV в.,[58] и только сентябрьская служебная минея из Лисицкого монастыря, датируемая концом XIV в., содержит текст Афонско-Иерусалимской редакции. Если учесть, что Тактикон Никона Черногорца определяет дисциплинарную практику Афонско-Иерусалимского устава, а его оригинал был доставлен лисицким игуменом с Афона, то можно сделать вывод: в конце XIV в. в Лисицком монастыре уже знали и могли использовать новый для новгородских земель церковный устав. Вполне вероятно, что и Лисицкая служебная минея восходит к афонскому оригиналу, тем более что на ее текст, как отметил М. Лисицын, оказал влияние сербский церковный устав.[59] Помимо связи лисицких книжников непосредственно с афонской традицией можно отметить факты, свидетельствующие об общем византийском и южнославянском влиянии на деятельность этого книгописного центра. Текст одного из произведений, содержащихся в Паренесисе Ефрема Сирина с прибавлениями, — апокрифического переводного «Сказания Афродитиана», как показало проведенное исследование, отличается от большинства других списков: вставлено несколько фраз, отсутствующих в других славянских списках, но имеющих соответствия в известных греческих рукописях (перевод этих фраз описателен, неточен, имеет лишь приблизительное соответствие в греческом тексте, а порой и просто неверен). Эта версия «Сказания Афродитиана» с правкой по греческому тексту была названа нами Новгородской редакцией. Вслед за «Сказанием Афродитиана» в рукописи находится связанное с ним тематически «Пророчение о Христе в кумирнице елинска бога Аполона» — самый ранний из известных нам русских списков этого произведения.[60]

Анализ репертуара книг мастерской Лисицкого монастыря показывает, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых на Руси традиционно связывается со вторым южнославянским и византийским влиянием.[61] Зачастую в рукописях, связанных с лисицкой книгописной мастерской, находятся наиболее ранние датированные русские списки новых переводных сочинений, таких как «Слово постническое» Максима Исповедника, Слова Григория Синаита, «Главы добродетельные» Феодора Едесского, «Главы трезвительные» Филофея Синаита, «О восьми помыслах» Нила Философа, сочинения Никиты Стифата, Илариона «Об отвержении мира» и Зосимы «Беседы душеспасительные о ярости».[62] Как эти, так и многие другие сочинения в рукописях, связанных с Лисицким монастырем (Иоанна Лествичника, Симеона Нового Бого-

---

[58] Шварц Е. М. О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. статей. Л., 1984. С. 82—85.

[59] Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. 12, 320.

[60] Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 24—27, 60—75, 82—83, 100—104.

[61] См.: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность XIV—XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 150—151; Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Доклады сов. ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 95—171. М. Г. Гальченко отметила, кроме того, более раннее, чем в других новгородских рукописных книгах, появление «южнославянских» особенностей в графике и орфографии лисицких рукописей (Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV—первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 59—81).

[62] См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI веков. СПб., 1903. С. 15—23.

слова, Исаака Сирина, аввы Дорофея и др.), большей частью переводные, относятся к кругу монашеской литературы, получившей распространение на Руси в связи с проникновением из Византии и от южных славян идей исихазма. Культурная ориентация лисицких книжников на новые веяния просматривается в их афонских связях, в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои рукописи. На основании этих фактов их можно отнести к «единомудренным» с Киприаном и Сергием Радонежским сторонникам «грекофильской иноческой партии»,[63] представителям общежительного движения среди русского монашества. Не случайно лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит далеко на север и основывает новый общежительный монастырь (Коневский). Наиболее известны из лисицких книжников конца XIV—первой половины XV в. игумены этой обители Иларион (позже ставший настоятелем московского Симонова монастыря и епископом коломенским) и Евфимий (впоследствии новгородский архиепископ).

Анализ книгописной деятельности в Лисицком монастыре позволил утверждать, что на протяжении конца XIV—первой половины XV в. монастырь играл значительную роль в культурной жизни Новгорода. Поддерживая связи с Афоном, лисицкие книжники были «проводниками» второго византийского и южнославянского влияния. На протяжении более полувека монастырь на Лисичьей горе был своего рода духовной академией, готовившей крупных церковных деятелей (преп. Арсений Коневский, епископ Иларион, архиепископ Евфимий II). Из этой среды вышел и тот книжник, пребывание которого в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре в конце 1411 г. засвидетельствовано записью на Лествице Иоанна Лествичника, — Варлаам.[64]

Мы видели, что в конце XIV—начале XV в. продвижение одного из лисицких книжников — Илариона к высшим церковным должностям происходит в Москве. В Новгороде же выходцы из Лисицкого монастыря начинают занимать значительные посты несколько позднее. Первым здесь оказывается ученик Илариона Варлаам: в 1410 г. он упоминается в качестве архимандрита юрьевского, первого, главного игумена Новгорода. По мнению В. Л. Янина, Варлаам, возможно, оставался при этом и лисицким игуменом.[65] Под 1410 г. в Н1мл. сообщается о строительстве архимандритом Варлаамом церкви, посвященной св. Варлааму Хутынскому: «Того же лета Варлам анхимандрит постави церковь камену во вратах монастыря Лисичкого во имя преподобного Варлама, игумена святого Спаса Хутиньскаго».[66] П. М. Строев, справедливо поместив Варлаама среди архимандритов Юрьева монастыря, отметил: «Не из Лисицкого ль?».[67] Основанием для такого предположения, конечно, послужило упоминание Варлаама в приписке к Лисицкому Тактикону 1397 г. и строительство архимандритом Варлаамом церкви именно в Лисицком монастыре.

---

[63] См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

[64] См. подробнее о Варлааме: Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий. С. 89—101.

[65] Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 145.

[66] НПЛ. С. 402.

[67] Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 45.

Варлаам — игумен Лисицкого монастыря упоминается еще в одном недавно обнаруженном источнике — Житии Ксенофонта Робейского: «Тѣмъ же праведныи сеи мужъ преподобныи отецъ Ксенофонтъ, послѣдуя святѣишимъ стопамъ апостолъ Христовыхъ, рѣкшихъ: „Се мы вся оставихомъ и вслѣдъ Тебѣ, дражаишии нашъ учителю, идохомъ", отвержеся мира и возлюби Христа, и приидѣ в монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы, нарицаемыми Лисицкии, къ пречестному тоя обители игумену Варлааму, вдадѣ себе въ научение иноческаго и постническаго жития, въ скоромъ времени постриженъ бысть от него во ангельскии образъ».[68] Далее в тексте этого Жития, известного по единственному позднему списку, Варлаам оказывается не кем иным, как преподобным Варлаамом Хутынским, бывшим, согласно этой версии, до основания своей обители лисицким игуменом. Казалось бы, доверять этому источнику у нас нет оснований, однако известие Жития о пострижении Ксенофонта в Лисицком монастыре при игумене Варлааме находит неожиданное, хотя и косвенное, подтверждение в летописи. В НК2 мы встречаем следующее известие 6925 (1417) г.: «Поставишя 5 церквии древяных: Въскресение Христово на Варяжскои улици, Възнесение Господне в Савинѣ пустынѣ, святого Николы в Селифонтовѣ, святого Николы на Вяжищах» (НК2, л. 421 об.). Схожий текст читается и в Н4, где к слову «Селифонтовѣ» добавлено «пустынѣ».[69] Эта Селифонтова пустынь фиксируется писцовыми книгами конца XV в.,[70] а в позднем «Летописце Новгородском церквам Божиим» аналогичное НК2 и Н4 известие читается так: «...да церковь святаго Николая чюдотворца в Ксенифонтовѣ пустыни».[71] Сам контекст упоминания Селифонтовой (Ксенофонтовой) пустыни сразу после Савиной пустыни (под которой, конечно, разумеется незадолго до этого основанная обитель Саввы Вишерского) позволяет уверенно считать преподобного Ксенофонта современником не Варлаама Хутынского (как это принято в церковной традиции), а Саввы Вишерского и Варлаама Лисицкого. По всей вероятности, лежащий в основе сохранившегося Жития письменный источник свидетельствовал о том, что Ксенофонт был выходцем из Лисицкого монастыря и принял постриг при игумене Варлааме в конце XIV—начале XV в. Агиограф, творивший, судя по всему, никак не ранее XVIII в., ошибочно отождествил лисицкого игумена с хутынским, жившим раньше его на два века.

---

[68] Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке Пушкинского времени // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 257—268 (Новгородский государственный музей, КП 30056-312 (старый шифр: НГМ 10923), л. 104—104 об. Сборник Житий новгородских святых. 30-е гг. XIX в. Житие Ксенофонта Робейского: л. 103 об.—106).

[69] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 417.

[70] Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе... С. 207 (Приложение II: Список новгородских монастырей-землевладельцев. № 59).

[71] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 258. Ясно, что имя «Селифонт» — это русифицированное «Ксенофонт» (в новгородско-псковской зоне это греческое имя адаптировалось как Ксинофонт, Синофонт, Селифонт, см.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 423—424); соответственно в указателе к т. 4 ПСРЛ Селифонтова пустынь отождествляется с Ксенофонтовой (ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 673), хотя у В. В. Зверинского они ошибочно учтены как разные (см.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 195—196 (№ 902); Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 154 (№ 2004)). См. подробнее: Бобров А. Г. Ксенофонтов Робейский монастырь // София (Новгород). 1998. № 3. С. 21—23.

Следует полагать, что Варлаам в качестве новгородского архимандрита, главы черного духовенства республики,[72] должен был принимать участие в официальной поездке архиепископа Иоанна 1411—1412 гг. в Москву к митрополиту Фотию, а возможно, он прибыл в Москву даже раньше основного посольства (его пребывание в Троице-Сергиевой Лавре зафиксировано 14 октября 1411 г., архиепископ же был в Москве «зимой» при точной дате 9 марта 1412 г.).

Последние годы жизни Варлаама освещены источниками довольно бедно. В перечне новгородских архимандритов, находящемся в Комиссионном списке Н1мл., вслед за Варлаамом упомянуты еще 6 имен: «Семеон, Михаило, Маркианъ, Нафанаилъ, Саватии, Дионисии». Последние два имени, однако, являются дополнением, восполняющим пропуск в более ранней части перечня. Они восходят к известию 6702 (1194) г.: «В то же лѣто преставися Дионисии анхимандрит новъгородчкыи, игуменъ святого Георгиа; и поставиша на мѣстѣ его Саватия».[73] Таким образом, последнее современное имя в перечне — Нафанаил. К сожалению, Симеон, Михаил, Маркиан и Нафанаил неизвестны другим источникам, поэтому, казалось бы, ничего нельзя сказать и о датах их архимандритства. Важно, однако, что в Комиссионном списке Н1мл. список архимандритов помещен в составе обширного хронологического обзора, во всех остальных рубриках которого, как показал В. Л. Янин, изложение доведено до 1423 г. Так как последнее упоминание Варлаама в качестве архимандрита относится к 1419 г. (см. ниже), то следующие за ним иерархи должны были сменяться ежегодно: 1420 г. — Симеон, 1421 г. — Михаил, 1422 г. — Маркиан, 1423 г. — Нафанаил. Учитывая, что должность архимандрита новгородского была, как установил В. Л. Янин, выборной (на вече) и что мы имеем массу примеров частой смены архимандритов, это не должно казаться странным. По всей видимости, в 1419 г. Варлаам перестал быть архимандритом новгородским, но умер ли он или удалился на покой — неизвестно.

В последние годы деятельности Варлаам еще дважды фигурирует на страницах летописи. В 1418 г. в Новгороде произошли крупные беспорядки, известные в литературе как восстание Степанки. Примирителем сторон выступил новгородский архиепископ Симеон, а его послом для ведения переговоров был архимандрит Варлаам: «Владыка послуша молениа их, посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль дворъ..., да идут в домы своя. И разидошася молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ».[74] Вероятно, авторитет Варлаама, занимающего выборную должность бессменно уже много лет, был в Новгороде достаточно высок.

Под 6927 (1419) г. Варлаам в последний раз упоминается летописью: «А Варламъ анхимандрит постави церковь камену въ Юрьевѣ манастыри Рожество Богородицю».[75] Посвящение новой церкви именно Рождеству Богородицы кажется не случайным. Этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой. Строительство монастырей и церквей, посвященных Рождеству Богородицы, после 1380 г. заметно активизируется. Особую роль играет

[72] См. об институте новгородских архимандритов: Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения... С. 136—149.

[73] НПЛ. С. 234.

[74] НПЛ. С. 410.

[75] НПЛ. С. 412.

в этом процессе возвышение московского Симонова монастыря Рождества Богородицы.[76] По всей видимости, строительство церкви, посвященной именно Рождеству Богородицы, для архимандрита Варлаама — это не просто богоугодное дело, но в какой-то мере и знак его приверженности традиции «грекофильской иноческой партии» с ее общеправославными идеями и идеалами.

Итак, мы могли убедиться, что книжники Лисицкого монастыря в своей деятельности в различных областях (репертуар и оформление рукописных книг, распространение церковного устава, связи с Византией и т. д.) успешно преодолевали узконовгородскую ограниченность, что учитель архимандрита Варлаама Иларион переехал в Москву, а позже стал одним из высших иерархов русской церкви (епископом коломенским), и что сам Варлаам во время заметного улучшения отношений между церковными иерархами Новгорода и Москвы в 1411—1412 гг. занимался книгописной деятельностью в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре,[77] при этом оставил на рукописи запись летописного характера (об освящении Троицкой церкви 25 сентября 1411 г.). Время завершения работы Варлаама в Сергиевом монастыре над переписыванием рукописи (14 октября 1411 г.) точно совпадает с окончанием текста НК1, доведенным до 6919 мартовского года (март 1411—февраль 1412 г., но известие Н1мл. о поездке архиепископа Иоанна в Москву «зимой» 1411/1412 г. не включено в летопись).

Вся сумма сделанных наблюдений позволила нам еще в статье 1995 г. предположить, что летопись, дошедшая до нас в списке НК1, могла быть создана в конце 1411—начале 1412 г. архимандритом Варлаамом во время его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре.[78]

Эта гипотеза дополнительно подкрепляется некоторыми косвенными свидетельствами.

1) Особенно важным для определения места и времени создания НК1 представляется известие 6919 (1411) г. (т. е. в той части НК1, которая использует исключительно новгородский источник — Н1) о свадьбе дочери Василия Дмитриевича Анны и сына византийского императора Иоанна (Калуяна): «А князь великыи Василеи далъ дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича» (НК1, л. 301). Как известно, дьякон именно Троице-Сергиева монастыря Зосима был в числе лиц,

[76] В Новгороде, где уже существовали древние, основанные в XII—начале XIV вв. Антониев, Михалицкий, Десятинский и Перынский монастыри Рождества Богородицы (последний, впрочем, несмотря на древность сохранившейся церкви, впервые упомянут источниками в 1386 г.), в интересующий нас период Рождеству Богородицы были посвящены Лисицкий монастырь (первое упоминание — 1389 г., каменная церковь — 1393 г.) и основанный выходцем с Лисьей горы Арсением Коневский монастырь на Ладожском озере (первое упоминание в летописи — 1398 г.). Еще одна церковь Рождества Богородицы была поставлена в начале 6905 (1397) г.: «Постави Исакъ Окинфовъ церковь камену святыя Богородица Рожество на Десятинѣ» (в период недолгого сближения с Москвой и с митрополитом Киприаном, до начала двинского конфликта).

[77] Представляется существенным то обстоятельство, что сразу после известия о поездке в Москву владыки Иоанна Н1мл. сообщает о строительстве трех церквей, в том числе «3-ю на Клопскѣ церковь древяную святую Троицю» (НПЛ. С. 403). Это первое свидетельство источников о Троицком Клопском монастыре, который, как известно, был оплотом сторонников Москвы в Новгороде; видимо, его основание связано с улучшением новгородско-московских отношений в 1411—1412 гг. Следствием этой перемены был, очевидно, и отъезд в Литву князя Семена (Лугвеня) Ольгердовича («А Лугвень съѣха в Литву и намѣстникы сведе с пригородовъ новгородчкых» — НПЛ. С. 403; следующее известие после сообщения об основании Троицкой церкви «на Клопскѣ»).

[78] Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий. С. 97—101. Б. М. Клосс, утверждая, что «архимандрит Варлаам занимался... вопросами общерусского летописания» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 106—107), не ссылается на эту статью.

сопровождавших Анну в Царьград.[79] Напомним, что фраза из приписки Варлаама к Лествице 1411 г. («В то же лето и священа бысть церкви в тои же обители, месяца семптямриа въ 25 день») имеет в общем летописный характер (а это верный признак причастности к ведению летописания) и отражает или его личные впечатления, или устные рассказы о недавнем, бывшем накануне его приезда, событии. Такое же устное происхождение, несомненно, имеет и запись о свадьбе княжны Анны и византийского царевича: об этом говорили буквально в те дни, когда Варлаам жил в Троице-Сергиевом монастыре.[80]

2) Среди дополнений составителя НК1, не известных предшествующему новгородскому летописанию (насколько мы можем судить по Н1мл.), находится известие 6906 (1398) г.: «Поставлена бысть церковь Рожество святыя Богородица на Коневомъ острову» (НК, л. 294). Речь идет здесь о строительстве церкви в Коневском монастыре на Ладожском озере. Это событие не показалось составителям непрерывно ведущейся официальной новгородской летописи (отразившейся в Н1мл.) достойным включения в соответствующую годовую статью, но в НК1 оно включено. Причина этого, очевидно, заключается в том, что основатель этого монастыря Арсений Коневский был, как и Варлаам, выходцем из Лисицкого монастыря, причем жили они в одной обители примерно в одни и те же годы (1390-е гг.).

3) Бывший источником НК1 список официальной владычной летописи, бесспорно, начинался словами: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание...» (так в Н1мл.). В Новгороде заголовок не требовал никаких комментариев, но при сведении воедино двух источников летописцу, находившемуся за пределами республики, понадобилось сделать географическое уточнение к заглавию своей части: «**Софеискыи** Временникъ...».

4) Напомним, что в статье 6919 (1411/1412) г. составитель НК1 не использовал последнее известие соответствующей статьи Н1мл. об отъезде в Москву архиепископа Иоанна (см. об этом подробнее выше), что кажется нам подтверждением предлагаемой гипотезы, ибо в момент завершения работы летописец-создатель НК1 или еще не знал об этом, или же, опираясь на воспоминания о предыдущей поездке Иоанна в Москву (когда тот был арестован на 3 с лишним года), считал, что до благополучного завершения визита писать о нем еще рано.

5) Анализируя списки посадников, В. Л. Янин показал, что существовала первая редакция списка (так называемый список А), датируемая им около 1409 г. Исследователь предположил, что составление списка А было одной из форм новгородского участия в подготовке Троицкой летописи 1408 г.[81] Однако, насколько мы можем судить, список посадников никоим образом не нашел отражения в Троицкой летописи.[82] Возможно,

---

[79] Зосима, описывая свое путешествие в Константинополь (1419 г.), упомянул свою предыдущую поездку: «...яко же преже бех, коли со княжною...» (Прокофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину: (Текст и археографическое вступление) // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 26 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 455)).

[80] Княжна Анна умерла в 1417 г. и была похоронена в Константинополе, в монастыре Лива (Медведев И. П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С 255).

[81] Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 42.

[82] М. Д. Приселков отметил вообще незначительное использование составителем Троицкой летописи новгородских источников, «в противоположность другим источникам свода 1408 г.», что «нужно объяснять как нерасположением сводчика к Новгороду и его политическому строю, так и тем обстоятельством, что у Киприана был длительный и не улаженный до смерти митрополита конфликт с Новгородом в связи с отказом последнего платить митрополиту особые подати» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 190).

создание его можно связать с подготовкой новгородского посольства к новому митрополиту в 1410—1411 гг. (летописец — создатель НК1, очевидно, имел в своем распоряжении новгородскую летопись, доведенную до 6919 (1411) г.).[83]

Итак, улучшение отношений между митрополитом и новгородским владыкой и книгописная деятельность в Троице-Сергиевом монастыре выходца с Лисьей горы Варлаама — вот та почва, на которой, по нашему мнению, возникает возможность соединения двух ветвей летописания. Можно полагать, что зимой 1411/1412 г. новгородским архимандритом Варлаамом (или каким-то книжником из его окружения) был создан свод-протограф НК1, который в дальнейшем будет условно именоваться также Свод (или Летопись) 1411 г.[84]

Фигура новгородского архимандрита Варлаама оказалась объектом пристального внимания в монографии Б. М. Клосса, посвященной «Житию Сергия Радонежского».[85] Два существенных факта, отмеченных исследователем, ускользнули от моего внимания. Во-первых, Б. М. Клосс указал, что на створках созданного «повелением» архиепископа Евфимия (бывшего игумена Лисицкого монастыря) Софийского панагиара 1435 г. появляется гравированное изображение Святой Троицы, «иконографическая композиция которого чрезвычайно близка к „Троице“ Андрея Рублева».[86] Действительно, через архимандрита Варлаама «можно протянуть связующую нить» от Троице-Сергиева к Лисицкому монастырю, хотя между пребыванием Варлаама в Сергиевой обители и временем создания панагиара прошло 24 года. Другой важнейший факт, впервые отмеченный Б. М. Клоссом, — это наличие в тверской переработке Троицкой летописи (а автором этой переработки исследователь не без оснований считает игумена Кирилла) обращения к некоему Варлааму: «Довлѣетъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивыи Варламе, таковыа ради вещи: отселе убо не въсхотѣша сынове Тверстии помагати Москвичемъ на Литву».[87] Б. М. Клосс справедливо, на наш взгляд, отождествляет этого Варлаама с юрьевским архимандритом.

В то же время, как нам представляется, исследователь чрезмерно преувеличивает роль и значение новгородского книжника в истории древнерусской книжности вообще и общерусского летописания в частности. Так, например, Б. М. Клосс обнаружил в составе Жития Кирика и Улиты авторское предисловие и послесловие, из которых мы узнаем, что некое «преподобство» заказало автору (по мнению исследователя, — Епифанию Премудрому) написать это сочинение и для этого послало ему книги.[88] На том основании, что само Житие находилось в новгородском Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г., делается вывод: «В „преподобстве“, заказавшем Епифанию сборник житий святых, необходимо видеть влиятельного церковного деятеля Новгорода Великого», а именно архимандрита Варлаама. Б. М. Клосс, однако, умолчал о том, что заказчики

---

[83] Новые наблюдения В. Л. Янина о хронологии смены посадников показывают, что завершающие «Список А» Иван Александрович и Фома Иванович «пришли на смену умершему в 1409 г. Есифу Захарьиничу», причем последний умер во второй половине года (см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 37—38), следовательно, «Список А» был составлен не раньше второй половины 1409—начала 1410 г.

[84] Здесь, как и в других случаях, дата в названии свода условна; она означает хронологические границы текста, содержащегося в памятнике, созданном вскоре после этой даты.

[85] Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 66, 87—88, 103—107, 116, 123, 148.

[86] Там же. С. 88.

[87] Там же. С. 106; ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 475—476.

[88] Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 103.

Мусин-Пушкинского сборника 1414 г. хорошо известны. Как следует из выходной записи, это архиепископ новгородский Иоанн, некто Сидор Куприянов, а также Матфей Кусов, отождествленный еще А. А. Шахматовым с летописцем Матфеем Михайловым: «В лѣто 6922 [1414] г. написана бысть книга си къ святому [Володимеру] церкви благословениемъ владыцѣ [Иоана], повелѣниемь Сидора Кюприянова, [а изисканьем?] Матфѣя Кусова, а хто сю книгу украдеть, да будеть проклят. Сеи зимы месяця ноября в 17 пострижеся владыка [Иоанъ] въ скиму и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници по сем днии, а посадникъ Кирило Дмитрѣевич преставися» (Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. сгорел в 1812 г.).[89]

Никаких оснований для отождествления заказчика («преподобства») именно с архимандритом Варлаамом, таким образом, нет. Если имена заказчиков самого новгородского списка сборника нам известны, то заказчик его несохранившегося оригинала («преподобство») совершенно необязательно должен быть также новгородцем.

Далее Б. М. Клосс без какой-либо ссылки на источники утверждает, что Варлаам владел собранием книг, причем «некоторые из них он присылал Епифанию в Троицкий монастырь».[90] К сожалению, нам неизвестны такие рукописи.[91] Обличение составителем Троицкой летописи (по Б. М. Клоссу, — Епифанием Премудрым) обычаев новгородцев («человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни...») исследователь также считает «естественно» предназначенным «для новгородца», причем далее он пишет: «Без особых натяжек мы можем предположить, что этим новгородцем был архимандрит Варлаам».[92] На наш взгляд, составитель Троицкой летописи мог бы обратиться с таким пассажем к Варлааму (как, впрочем, и к любому другому новгородцу) только в том случае, если имел намерение оскорбить его. Вывод исследователя о том, что Троицкая летопись была составлена «в расчете на апробацию Юрьевским архимандритом Варлаамом»,[93] представляется не только ничем не обоснованным, но и совершенно невероятным хотя бы в силу самой антиновгородской направленности этого памятника.

Далее Б. М. Клосс отмечает, что внутри текста «Слова о житии и преставлении» Дмитрия Ивановича «*обнаруживается* (курсив мой. — *А. Б.*)[94] вклинившееся в него сопровождающее письмо», в котором автор

---

[89] В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо читавшегося изначально «Иоанна» в обоих случаях было написано «Антона» Чтение «а изисканьем» предположительно восстановлено нами в данном контексте по аналогии с записями на рукописях 1411 и 1413 гг , переписанных «изисканьем» Матфея Кусова Запись 1414 г известна по спискам начала XIX в РНБ, F I 295 и БАН, 24 4 41 (Срезневский И И Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках СПб , 1867 Ч 1, разд 18 Сборник 1414 г С 82—88, Срезневский В И Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века СПб , 1893, Описание Рукописного отдела БАН СССР Л , 1971 Т 3, вып 3 С 113) См подробнее Бобров А Г Из истории летописания первои половины XV в С 17—19

[90] Клосс Б М Житие Сергия Радонежского С 105

[91] Существует запись полууставом XIV—XV в на Стихираре XII в (РНБ, Q п I 15, л 105) «Г(осподин)у архимандриту Варламу [сиротина твои]» (заключенные в скобки слова читаются только в ультрафиолетовых лучах), однако интерпретировать этот текст как свидетельство принадлежности рукописи Варлааму невозможно это не владельческая запись, а, скорее, проба пера

[92] Клосс Б М Житие Сергия Радонежского С 107

[93] Там же

[94] Исследователь не ссылается на тот факт, что это письмо быо впервые обнаружено и подробно прокомментировано Г М Прохоровым еще в 1985 г (см Прохоров Г М Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ Л , 1985 Т 40 С 229—247)

обращается к заказчику «преподобьство твое», причем для исследователя «понятно, что это — Варлаам Новгородский». «Таким образом, — делается вывод, — Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода»[95] (остается, правда, неясным, почему летописный свод называется «митрополичьим», если его заказчиком был юрьевский архимандрит).

Следует заметить, что в том случае, когда составитель Тверской летописи обращается действительно к Варлааму (что справедливо отметил Б. М. Клосс), он именует его не «преподобство», а «отче боголюбивый» (традиционное обращение к духовным лицам[96]). Автор Предисловия к некрологу князя Михаила Тверского обращается к заказчику, Кириллу Тверскому (также игумену, как и Варлаам Лисицкий), схоже: «отче отцемь» и «твое боголюбьство».[97]

Употребление абстрактного существительного «преподобство» для обозначения адресата также неоднократно встречается в памятниках средневековой эпистолографии, причем «как почетный титул епископа проходит через всю патристическую литературу; применялся иногда и для духовных лиц более низкого ранга».[98] Думается, что заказчика (или заказчиков) как Жития Кирика и Улиты, так и Троицкой летописи и Свода 1418 г. следовало бы искать среди духовных лиц не Новгорода (для чего нет достаточных оснований), а Москвы.

Согласно Б. М. Клоссу, Варлаам Новгородский оказывается не только заказчиком всех основных летописных памятников, но и «соавтором» Епифания Премудрого. Исследователь пишет: «Под 1406 г. в Новгородской IV и Софийской I летописях читаются известие о смерти митрополита Киприана и его Духовная грамота. В одном месте заметно вмешательство Варлаама Новгородского, именно — в уточнении, что епископ Иларион Коломенский „быв преже игуменом Лисицкой лавры“: такое добавление естественно было сделать Варлааму, самому бывшему игумену Лисицкого монастыря, а пристрастие монаха Лисицкого монастыря выдает его наименование „лаврой“».[99] Ошибочность этого рассуждения определяется тем, что дополнение об Иларионе не встречается ни в НК1, ни в С1, соответственно его не было, очевидно, и в Своде 1418 г.; наряду с двумя другими известиями о Лисицкой обители (1389 г. — о строительстве церкви Рождества Богородицы и 1403 г. — о росписи той же церкви) оно впервые появляется в НК2 и оттуда заимствуется в Н4. Эти дополнения НК2 позволяют связать ее создание с деятельностью не архимандрита Варлаама, а новгородского архиепископа Евфимия II (с 1429 г.), также бывшего до избрания на владычество игуменом Лисицкого монастыря.[100]

---

[95] Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 115—116.

[96] См.: Фаль С., Харней Ю., Штурм Г. Адресат и отправитель в древнерусских письмах // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 122.

[97] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 386; НК, л. 407. Ср.: к Феофану Греку Епифаний Премудрый обращался: «твое мудролюбие» (ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 446).

[98] Фаль С., Харней Ю., Штурм Г. Адресат и отправитель в древнерусских письмах. С. 125.

[99] Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 123.

[100] См.: Бобров А. Г. 1) Новгородские летописи XV века... С. 31—32; 2) Редакции Новгородской четвертой летописи. С. 123. Конечно, теоретически возможно, что Варлаам после ухода с юрьевской архимандрии вернулся в свою прежнюю Лисицкую обитель и там работал над созданием НК2, однако в пользу атрибуции этой выборки именно Евфимию свидетельствуют, во-первых, тот факт, что она доведена до 1428 г. (а Варлаам не упоминается источниками после 1419 г.), и, во-вторых, дополнение НК2 под 1411 г. о строительстве церкви св. Николы в Вяжищском монастыре, постриженником которого и был Евфимий.

Итак, роль новгородского архимандрита Варлаама по отношению к общерусскому сводному летописанию заключалась, как нам представляется, не в том, что он был заказчиком или инициатором его создания, а в том, что во время пребывания в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1411 г. или в начале зимы 1411/1412 г. он впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центральнорусской летописным традициям в одно целое. Это «сведение» двух принципиально различных источников было для своего времени первым, во многом несовершенным (и незавершенным) опытом.[101] «Заготовка» Варлаама послужила, однако, основой для последующих шагов по созданию сводного общерусского летописания.

Дальнейшая судьба Летописи 1411 г. видится нам так: с одной стороны, в конце 1410-х гг. она была использована в Москве при составлении общерусского митрополичьего свода, а с другой — попала в Новгород, но здесь Летопись Варлаама оставалась, видимо, некоторое время не востребованной до той поры, пока архиепископ Евфимий II не инициировал создание Н4.

4. Доказательства существования Свода Фотия

Еще Я. С. Лурье, формально используя шахматовские названия «Новгородско-Софийский свод» и «Свод 1448 г.», по сути дела, радикально пересмотрел представления о составе этого гипотетического памятника. Если А. А. Шахматов считал его новгородским (что и отразилось в названии) и реконструировал в равной степени на основании текстов С1 и Н4, то Я. С. Лурье не только признал его московским, но и практически отождествил по составу с С1 («Текст этого общего протографа СI—НIV... без существенных добавлений дошел до нас в СI... Если это и не „реальный текст“ свода 1448 г., то очень близкий к реальному»).[102]

Установление первичности текста НК1 по отношению к С1 приводит к новому пониманию проблемы общерусского летописного свода начала XV в. Наличие общих чтений С1 и Н4 теперь может быть удовлетворительно объяснено не тем, что они восходят к общему протографу, а тем, что обе эти летописи, во-первых, имеют общий непосредственный источник (т. е. НК1) и, во-вторых, связаны между собой, как показал Г. М. Прохоров, посредством выборки из протографа С1 (т. е. НК2), также послужившей источником Н4. Но и в таком случае, казалось бы, гипотетический общерусский митрополичий свод начала XV в. практически может быть сближен с протографом С1, и проблема реконструкции его состава должна быть решена путем сопоставления списков этой летописи.[103]

Г. М. Прохоров действительно считает, что общерусский летописный свод дошел до нас в С1, а НК2 является «выборкой» из него, хотя и дополненной по другим источникам.

---

[101] Центральнорусский источник Варлаам использовал только до 1185 г., то ли из-за недостатка времени, то ли потому, что ему был доступен лишь такой текст, да и последующая часть его труда не выглядит завершенной: в ней отсутствует, например, даже упоминание о Куликовской битве.

[102] Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 215; подробнее см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 71—87.

[103] Г. М. Прохоров, собственно говоря, и считает С1 первой «сводной общерусской летописью», но в связи со своими представлениями о протяженности во времени процесса создания летописных сводов датирует ее 80-ми гг. XII—первой половиной XV вв. (см.: Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 197).

Существует, однако, свидетельство того, что дошедший до нас в составе С1 текст не может быть в полном объеме признан первичным по отношению к НК2. Я. С. Лурье приводил уже некоторые аргументы против этого предположения, но среди них не было, на наш взгляд, «текстологически необратимых» и бесспорно доказательных.[104]

И здесь распутать «текстологический клубок» нам помогает привлечение «контрольного текста», а именно анализ одной дублировки (совпадения) текста между НК1 и НК2. Рассмотрим, как изменялся в НК1, С1 и НК2 летописный текст статьи 6900 (1392) г.:

НК1	С1	НК2
Вышед из Орды, князь Василеи Дмитриевич	Ходи князь великыи Василеи Дмитриевич въ Орду ко царю Тактамышу, и *выиде* из Орды на великое княжение.	Ходи князь великыи Василеи Дмитриевич въ Орду к царю Тактамышу, и *вышед* из Орды на великое княжение.
взя Нижнии Новград и поима князи и княгини *в таль*;	И ходи под Нижнии Новъгород ратию, и взя город за себе, а князи и княгини поима *въ полонъ*.	И ходи под Нижнии Новград ратью, и взя град за себе, а князи и княгини поима *в таль*.
а князь Семен бѣжа в Орду.	А князь Семенъ Дмитреевичь убѣжа въ Орду.	А князь Семен Дмитриевичь убѣжа в Орду.

В данном случае у нас есть возможность одновременно увидеть, как читалось летописное известие не только в непосредственном источнике протографа С1 (т. е. в НК1), но и в выписке из этого протографа (т. е. в НК2). Сопоставление текстов показывает, что в архетипе С1 должны были, несомненно, находиться чтения «вышед» и «в таль», однако во всех дошедших до нас списках С1 читаем «выиде» и «въ полонъ». Это может свидетельствовать только об одном: в С1 до нас дошел уже измененный, отредактированный текст, а НК2 сохраняет летописные чтения в более раннем виде, какими они были еще до их редактирования создателем С1. Следует, таким образом, различать архетип С1 (к которому восходят все дошедшие до нас списки этой летописи) и общий протограф С1 и НК2.[105]

Значение этого наблюдения определяется тем, что в НК2 содержится не только «выборка из С1», но и еще целый ряд дополнительных («избыточных» в сравнении с С1) текстов, на протяжении от 6580 (1072) г. до самого конца памятника. Г. М. Прохоров, отстаивая первичность текста С1 по отношению к НК2, предложил рассматривать эти чтения как результат дополнения НК2 по различным источникам: во-первых, по

[104] См.: Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. ... С. 211—213. Дж. Линд также отмечал неубедительность предположения Г. М. Прохорова о вторичности текста НК2 по отношению к С1 и приводил примеры с написанием имени «Бергер» под 6860 (1352) г. и географического названия «Каяно море» под 6885 (1377) г., точнее переданными в НК2, в то время как С1 дает искаженные чтения (соответственно «Бергел» и «Окиян море»). Исследователь отметил принципиальное значение этих примеров, так как иностранные имена собственные, оказавшись искаженными, вряд ли могли быть легко исправлены летописцем (Lind J. In the Workshop of a Fifteen Century Russian Chronicle Editor... P. 81).

[105] Определение характера и времени редакторской работы, произведенной при создании архетипа С1, заслуживает особого исследования. Отметим здесь лишь регулярное и последовательное употребление титулов «князь» и «великий князь» при всех упоминаниях соответствующих персонажей на протяжении всего текста (причем НК1, НК2 и Н4 не придерживаются такой системы, и это является свидетельством вторичности С1), что, наряду с другими обстоятельствами, позволяет видеть в этом памятнике великокняжескую обработку митрополичьего свода, не слишком доброжелательную по отношению к князю Юрию Дмитриевичу (например, в С1 при описании похода этого князя под 6903 (1395) г. был сокращен сохранившийся в НК2 вывод летописца: «...никтоже не запомнит так воююще русь Татарскую землю»).

Н1 и другим новгородским летописям; во-вторых — по «центральнорусской» летописи «типа Троицкой» (до 1392 г.); и, в-третьих, по внелетописным письменным памятникам (после 1392 г.).[106]

Действительно, невозможно предположить, что многочисленные новгородские «избыточные» известия НК2 находились уже в ее московском источнике (протографе С1—НК2); они, выделяясь своим содержанием, легко вычленяются из текста и могут быть возведены частично к Н1, а частично — к неизвестным новгородским источникам.[107]

Сложнее обстоит дело с «центральнорусскими» (в основном московскими) «избыточными» текстами НК2. Они, главным образом, расположены в заключительной части летописи. Г. М. Прохоров заметил по поводу дополнительных неновгородских текстов НК2: «Можно допустить, что все это было в центральнорусском источнике НК2, но возможно также, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов».[108]

Рассмотрим поэтому в первую очередь не отдельные летописные известия, а значительные по объему тексты — повести и документы, находящиеся в НК2, но отсутствующие в С1:

1) 6898 (1390) г. Л. 393—396: «Списокъ грамоты патриарши сборное» [Грамота патриарха Антония];

2) 6898 (1390) г. Л. 396 об.—397: «О трех татаринех, иже из Орды приидоша к Москвѣ и крестишася»;

3) 6902 (1394) г. Л. 399 об.—401 об.: «Антониа патриарха грамота к Новуграду»;

4) 6903 (1395) г. Л. 401 об.—403: [«Хождение дьякона Александра»];

5) 6904 (1396) г. Л. 404 об.: [Перечень 35 епископов ростовских];

6) 6907 (1399) г. Л. 407—409: [«Некролог»] «О преставлении князя Михаила Тферскаго»;

7) 6910 (1402) г. Л. 409 об.—411: [«Слово о небесном знамении»];

8) 6914 (1406) г. Л. 413—416 об.: [«Некролог» — плач о митрополите Киприане];

9) 6916 (1408) г. Л. 416 об.—418: [Грамота Едигея];

10) 6917 (1409) г. Л. 418—419: [«Некролог» о смерти епископа Тверского Арсения].

Из перечисленных дополнительных по отношению к С1 значительных по объему текстов три (под 1390, 1394 и 1395 гг.) связаны с византийской тематикой. Две грамоты патриарха Антония,[109] одна из которых прямо адресована в Новгород, а другая в качестве циркулярного послания также могла быть здесь известна, как и «Хождение дьякона Александра» (возможно, новгородца),[110] казалось бы, могли отсутствовать в составе архетипа С1 и, наряду с другими дополнительными новгородскими известиями, войти в состав НК2 при ее составлении в Новгороде. Следует, однако, отметить, что грамота Антония в Новгород 1394 г. имеет «обличительный» характер и отстаивает интересы митрополии (в ней патриарх подтверждает наложенное митрополитом Киприаном на новгородцев

---

[106] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 177—182.

[107] Там же. С. 178, 190—191.

[108] Там же. С. 181.

[109] Одна из грамот (1390 г.) впервые была опубликована по единственному списку НК2 (ее нет и в Н4): Прохоров Г. М. Повесть о Митяе... С. 225—228. Греческий оригинал грамоты неизвестен.

[110] Текст «Хождения» публиковался только по Н4; памятник исследован «недостаточно» (см.: Белоброва О. А. Александр // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 20).

«отлучение»), поэтому ее затруднительно рассматривать в качестве новгородского дополнения к летописному тексту. Действительно, судя по НК1, в источнике протографа С1—НК2 читалось под тем же 6902 (1394) г. следующее известие: «И приеха из Царяграда от патриарха Антониа Вифлеомскыи владыка Михаил, а привез Новуграду две грамоты, поучение христианом». Свидетельство НК2 о возможном наличии в протографе С1—НК2 грамоты 1394 г., таким образом, подкрепляется сообщением НК1 о ее привозе из Царьграда (к этому известию естественно было присоединить сам текст патриаршей грамоты). В протографе С1—НК2, очевидно, читались обе части рассказа — и засвидетельствованная источником (НК1), и дошедшая в выписке (НК2), а редактор С1 их сократил.

Схожий текстологический «след» присутствия в протографе С1—НК2 другой грамоты патриарха Антония (1390 г.) усматривается в известии под тем же годом (дошедшем как в С1, так и в НК2) о приходе из Царьграда на Русь митрополита Киприана. Грамота написана в защиту его интересов; естественно, Киприан привез ее с собой, и находиться в своде-протографе С1—НК2 она могла именно после этого летописного известия.

Что же касается «Хождения дьякона Александра» (1395 г.), следом его наличия в протографе С1—НК2 можно считать сохранившееся в обоих летописях под тем же 6903 (1395) г. известие о военном конфликте в Византии («Приходилъ царь Калочанъ Андрониковъ сынъ съ туркы ко Царюграду. И выѣха царь Мануилъ съ грекы и съ фрязы, и прогонилъ турки»), к которому оно и могло быть присоединено.

Еще менее вероятным кажется нам предположение, что сводчик-новгородец собрал центральнорусские по происхождению сочинения (по поводу трех сочинений из числа указанных дополнений НК2 — «некрологов» Михаила Тверского, Киприана и Арсения Тверского уже давно было высказано предположение, что это сочинения Епифания Премудрого[111]), и при этом неизвестные московскому летописанию (или, во всяком случае, отсутствующие в С1).[112] Учитывая более чем сложные отношения Новгорода и митрополита Киприана (см. об этом выше), особенно сомнительной представляется возможность того, что новгородский летописец сам нашел и включил в свой свод плач об этом иерархе и посвященную ему повесть «О трех татаринех...».

Главное же обстоятельство, препятствующее предположению, будто составитель НК2 собрал «списки цельных, способных к самостоятельному существованию произведений»[113] и вставил их в свой свод, заключается в том, что большинство из перечисленных выше текстов самостоятельными как раз и не являются. Рассмотрим эти тексты более пристально.

1. Под 6904 (1396) г. в НК2 находится следующий текст: «О поставлении Григориа, епископа Ростовскаго. Индикта 4, марта 19, Киприанъ митрополит на Москве поставил въ владыкы Григориа епископом граду Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Углечю Полю, и Устьюгу, и Молозѣ. А с ним были на поставлении епископов 5; сеи же Григореи 35-и бысть

[111] См. о стилистическом родстве этих произведений и «Слова о житии... Дмитрия Ивановича»: Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 147—150. См. также: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 217.

[112] Из названных текстов только повесть «О трех татаринех...» читалась в Троицкой летописи (см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 443).

[113] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

епископъ Ростовскыи. 1 Феодоръ, 2 Феогностъ, 3 Феодоръ, 4 Иларионъ, 5 Феогностъ, 6 Феодоръ, 7 Леонтии, 8 Иларион, 9 Исаия, 10 Ефрем, 11 Нестеръ, 12 Леон, 13 Лука, 14 Иоанъ, 15 Пахомеи, 16 Симон, 17 Кюрьякь, 18 Митрофан, 19 Кирил, 20 Кирилъ, 21 Тарасеи, 22 Игнатии, 23 Семион, 24 Прохоръ, 25 Антонии, 26 Иаков, 27 Иоан, 28 Гавриил, 29 Игнатеи, 30 Петръ, 31 Парфении, 32 Арсении, иже бѣ и князь, [33 Матфѣи Гречин], 34 Феодоръ архиепископъ, 35 Григории».

В С1 текст явно испорчен: «Киприанъ митрополитъ... постави... Григориа епископомъ Ростову, и Ярославлю, Бѣлуозеру, и Углечю Полю, и Устьугу, и Молозѣ. А съ нимъ были на поставлении 5 владыкъ. Си же Григории 30 и 5 [вариант С1мл. — 20 и 5] *лѣтъ* бысть епископомъ Ростову».[114]

Г. М. Прохоров полагает, что, «каким бы ни был в данном случае источник С1, ясно, что перечня ростовских епископов в нем не было: был бы перечень, понятны были бы цифры и не возникло бы ошибки. Вставляя перечень в НК2, естественно было исправить и искаженную фразу».[115] Однако трудно представить себе самостоятельно существующий вне летописи список ростовских владык. Кроме того, предположение о существовании свода-протографа С1—НК2 позволяет объяснить и происхождение ошибочных чтений С1: в этом своде должен был читаться тот же текст, что и в НК2; далее уже в архетипе С1 был сокращен перечень епископов и текст приобрел такой вид: «...Си же Григории 35 бысть епископъ Ростову»; наконец, редакторы С1ст. и С1мл. схожим образом попытались его осмыслить.[116]

2. Под 6907 (1399) г. в НК2 читается отсутствующий в С1 текст Предисловия к рассказу о кончине Михаила Тверского:

«О преставлении князя Михаила Тферскаго.

Егда единою видѣвы пришлець великаго града изрядное стоание, что убо хощеть рещи о немь, но токмо же в собѣ видению дивится, яко инѣм же глаголеть. Видѣх убо аз преславное граду видѣние, о нем же по части нѣсть ми съглаголати, преудивиша бо мя мудраа основаниа твердости и крѣпости стѣнъ, и утвръжение врат, и сведение стлъпъ, и полатъ украшение, разум же не прѣде ми ни къ единому ухищрению, да тѣмь не могу инѣмъ исповѣдати, ибо сам азъ не насладихся неизреченныа красоты. Яко же и се в томь подобное вещи, отче отцемь Кирилъ .Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г., еже повелѣл ми еси написати от жития премудраго Михаила, боголюбца князя. И то выше силы, и не досажема умалению нашему, обаче же блюсти подобает, да не преслушание в нас обрещется; молю твое боголюбство, честнаа главо, ибо самь чюдяся мужа разуму и нравомъ, и не могы единаго рассужениа въ умъ привести, ослушаниа же бояся, да еще от великых многъ малаа нѣкаа речемь, всяко прощение въ оглаголаниа мѣсто да приимемь, от священнаго верха».[117]

---

[114] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 249—250.

[115] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

[116] Отметим здесь, что, хотя С1ст. в целом точнее отражает архетип С1, чем С1мл., порой именно в младшей редакции сохраняются первоначальные чтения. Создание С1ст. должно быть отнесено ко времени после 1431 г., так как в обоих ее списках говорится, что Фотий был митрополитом 22 года (см.: ПСРЛ. Т. 5. С. 258).

[117] Текст Предисловия является одновременно и посланием к заказчику Жития Кириллу «Г.С.Р.Ч.Е.Е.Г» (тайнопись?), отождествляемому «с тем Кириллом, к которому обращался Епифаний Премудрый в своем послании о Феофане Греке, упоминая, что Кирилл предоставил ему убежище в Твери во время нашествия Едигея в 1408 г. (когда троицкие монахи, включая, очевидно, и Епифания Премудрого, покинули свой монастырь)» (см.: Лурье Я. С. Житие Михаила Александровича // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 299—301). Атрибуция Предисловия Епифанию Премудрому принадлежит А. Д. Седельникову: Седельни-

Далее в НК2 следует совпадающий с С1 текст о смерти князя: «Разболѣся князь великыи Михаило Александрович Тверскии по Госпожинѣ дни...» (НК2, л. 407). Процитированное Предисловие — это такое же письмо к заказчику, как и то, которое вычленил из текста «Слова о житьи... Дмитриа Ивановича» Г. М. Прохоров.[118] Хотя это Предисловие было использовано (переработано) в Тверском сборнике,[119] его отдельное от дальнейшего повествования, самостоятельное бытование в рукописной традиции не зафиксировано и представляется маловероятным, поэтому и его следует возводить к протографу С1—НК2.

3. Встречающийся в НК2 под 6910 (1402) г. текст «Слова о небесном знамении» также является частью, а точнее, продолжением соответствующей летописной статьи, начало которой совпадает в С1 и НК2: «В лѣто 6910. В Великое говѣние месяца марта являшеся нѣкое знамение на небесѣ, в вечернюю зарю, на западѣ звѣзда немала, аки копеиным образомъ, верху же еа акы лучь сиаше, иже на встоцѣ всходящи и на западѣ лѣтнем являющеся, юже видѣхомь всь тои месяць...».[120]

Далее в НК2 текст продолжает процитированное известие: «...тако всходящи и сиающи. Се же является грѣх ради нашихъ, прообразуеть и претить, и велить намъ покаатися от грѣх наших. Убо смѣю рещи, сбываеться слово евангельское, якоже самь Спасъ въ Евангелии рече: „В послѣдняа дни будут знамениа велика на небеси, в солнци и в лунѣ, и въ звѣздах, услышати же имате слух ратеи и нестроениа, и слышаниа бранемъ, встанет бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будут гладове, и мятежи, и пагубы, и труси велици по мѣстом, и страхованиа в мори, все же се начало болѣзнемь. Предасть же брат брата на смерть, и отець чадо, и въстанут чада на родителя своя, и убиють я, и друг друга предасть, и възненавидит и прелстит, и за умножение безакони изсякнеть любы многых; будеть бо тогда печаль велика, и скорбь человекомь, и туга языкомъ, и гнѣвь на людехъ, и страх повсюду“. Да еже въ Евангелии Спасъ нашь преже глаголаше, то нынѣ в послѣднее время все збывается, а реченаа знамениа с небесе в солнцѣ, и в лунѣ, и въ звѣздахъ являются; а еже рече: „Встанет язык на языкь, царство на царство“, се бо всташа языци воеватися, ратующеся: ово татарове, ово же туркове, индеже фрязове, а инде ляхове, а онамо нѣмци, а овамо глаголемаа литва. Что ли поминаю татаръ, и турков, и прочая языкы невѣрныа и некрещеныа; но и мы сами, рекомыа христиане, правовѣрнии суще и православни, сътворяем межи събою брани и рати, и кровопролития, яже суть межи нами усобици; случает бо ся сице встает ратью правовѣрныи князь на правовѣрнаго князя, и тъи же на брата своего, или на дядю, и бывает промежи ими вражда и непокорение, гнѣвь же и ярость, конечнее же рать и брань, сѣча бо и кровопролитье, еже есть межиусобица, промежи ими бывает воини, а обои суще правовѣрнии христиане, и сюду, и овоюду, овии по своимь княземь ретують, желающе не токмо дръзнути, но и умрети за своего князя, а друзии с другую страну, тако же православнии суще воини, зѣло побарающе за своего князя, и волею и неволею стоят, хотяще и дръзающе главы своя положити за нь, и егда на соимѣ, тогда в то время обои бьются нещадно, и сѣкутся

ков А Д Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС Л, 1926 Т 31 С 159—176

[118] Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков Л, 1987 С 88—122

[119] ПСРЛ Т 15 С 463 (см Лурье Я С Житие Михаила Александровича С 300—301)

[120] ПСРЛ Т 5 С 252, ср НК2, л 409 об

без милости. И ту прочее жалостно видѣти, и позоръ плачя достоинъ, подоимет бо руку хрестьанинъ на христианина, и въздвигнеть оружие свое друг на друга, скует же копие свое брат на брата, и поострить мечь свои любовник на любовника, и стрѣлами своими състрѣляет ближнии ближняго, и сулицею прободаеть сродникъ сродника, и племенник своего племенника низлагает, и правовѣрныи единовѣрнаго посѣкаеть, и юношя старця сѣдинъ многолѣтных не усрамляется, и рабъ Божии раба Божиа не пощадить. Да где есть любовь съвръшеная, юже Христос въ Евангелии предасть намь, глаголя: „Заповѣдь нову даю вамь, да любите друг друга". И пакы: „Болше сея любве никто же имать, да кто положит душу свою за ближняго". Мы же токмо не полагаем душя своеа за ближняго, но и з ближняго извлачим ю, хотящи изяти ю оружиемь заколениа. Тако ти есть межиусобная рать, от нея же дабы избавил ны Господь Богъ нашь, яко вси есмы в бѣдах, и яко посреди сѣти мимо ходихъ; да вси вкупѣ помолимся Богу, глаголюще: „Молитвами, Господи, всѣх святых твоих и молитвъ ради святыя Богородица подаи же, Господи, правовѣрнымь княземь нашимь мирно же княжение и тихо, и красно, и не мятежно, и не завистно, и не зарочно, и не раздорно, и не расколно, и не развратно, и бескрамолно, да и мы в тишинѣ их тихо и безмлъвно житие поживемь, въ всякомь благовѣрии и чистотѣ, да и прочее лѣто живота нашего в мирѣ и в покаании скончати у Господа просим". И понеже время послѣднее приходит, и скращено есть уже, и конець житию приближается, и знамениа же въ звѣздах являются. И се звѣзда, юже видѣхомь нынѣ, необычныа и незнаемыа звѣзды, о неиже нынѣ пишемь и глаголемь, продлъжающе слово; но абие препокоимъ бесѣду и скратимъ рѣчь, и дадим величие Богу нашему, ему же слава» (НК2, л. 409 об.—411).[121]

Невозможно представить себе самостоятельный текст, начинающийся словами «...тако всходящи и сиающи. Се же является...». Более того, в конце «Слова о небесном знамении» вновь возникает звучавшая в начале летописной статьи 1402 г. С1—НК2 тема звезды: «И се звѣзда, юже видѣхомъ нынѣ...» (НК2, л. 411). Таким образом, следует признать, что данное произведение читалось уже в составе свода-протографа С1—НК2 и было сокращено при редактировании архетипа С1.

4. Под 6914 (1406) г. в НК2 после рассказа о преставлении митрополита Киприана и текста его Духовной грамоты читается «Плач о Киприане», завершающий все повествование:[122] «Множество человеческое, все на землю пришедшее, общее естество оплачим, еже злочастнѣ обогащаемься. О, како честнѣишее Божиих създании, еже по подобию его, увы, и по образу, без дыханиа зрится и мертво, увы, и мерзко, полно червии нечистых, испущаа от дыханиа смрадна! Како изчезе мудрование? Како скрыся слово? Како разставися сугубое? Како утаися вскорѣ? Тричастное погыбе! Четвръстое же растлѣ! Пятое без дыханиа и мертво! Увы, страсти, увы! Сугубая десяторица погибе, и по седмѣи, осмая же будущаго въображает растворение. Земля убо наше смѣшение, земля покрывает, и пакы

[121] Убедительные аргументы в пользу атрибуции «Слова о небесном знамении» Епифанию Премудрому были приведены Б. М. Клоссом, заметившим, между прочим, что «это небольшое произведение написано с такой силой и с таким литературным мастерством, что обязательно должно учитываться в учебниках древнерусской литературы» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 121—123). Ранее текст издавался только в составе Н4 (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 392—394).

[122] Знаки препинания расставлены в соответствии с публикацией этого текста по списку НК Г. М. Прохоровым (Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 127—128).

земля встание. Увы, страсти, увы мнѣ! Нагъ изыдох на плач съи младенець съи, наг и отиду пакы. Отнюду же что тружаюся и смущаюся всуе, нагъ, вѣдая конець житиа? Дивьство, како шествуем вси равны образом от тмы на свѣт, от свѣта же въ тму, от чрева матерня с плачемь в миръ, от мира же печалного с плачемь въ гробъ! Начало и конец — плач. Каа потреба посреднимь? Сонъ, сѣнь, мечтание — красота житиискаа. Увы, увы, страсти многосплетенны житиа! Яко цвѣт, яко прах, яко сѣнь, преходить» (НК2, л. 415 об.—416).[123]

Как показал Г. М. Прохоров, хотя в рукописной традиции этот поэтический текст встречается и отдельно, первоначальный его вид принадлежит автору, выполнявшему заказы составителя общерусского свода, «который легко мог сопроводить сообщение о смерти митрополита Киприана не только текстом его Духовной грамоты, но и своей поэмы».[124] Хотя прямо исследователь не говорит, кто же этот автор, его мысль ясна: «Нет нужды напоминать, что „Слово о житии и учении“ Стефана Пермского насыщено у Епифания подобного рода стихообразными медитациями».[125] Эти наблюдения противоречат мысли самого Г. М. Прохорова, что «поэтический плач» принадлежал к числу «цельных, способных к самостоятельному существованию произведений».[126] Ясно, что этот текст изначально являлся частью единого летописного повествования о кончине Киприана в протографе С1—НК2.

5. Под 6916 (1408) г. в НК2 и С1 находится краткий рассказ о нашествии Едигея. В НК2 после слов «Едегѣи приде ратью к Москвѣ ноября 23 и да грамоту в град» помещен сам текст этой грамоты (НК2, л. 416 об.—418).[127] В С1 текста самой грамоты нет, но имеется упоминание о ней: «Прииде Едегѣи ратию къ Москвѣ, мѣсяца ноября въ 23 день... Присла Едегѣи свою грамоту къ великому князю на Москву».[128] Отдельное, самостоятельное бытование в рукописной традиции грамоты Едигея вне рассказа о самом нашествии 1408 г. не только не зафиксировано, но и крайне маловероятно. Очевидно, и этот текст был сокращен редактором архетипа С1.

6. Под 6917 (1409) г. в НК2 читается рассказ и поэтический плач о смерти епископа тверского Арсения (НК2, л. 418—419):[129] «В лѣто 6917. О Христѣ Исусѣ, Господи нашемь, Богъ щедротамь благыи человеколюбець, Спасъ всѣмь приходящимъ к нему с вѣрою, хотяи всѣмь человекомь спастися, и в разумъ истинныи приити, не хотяи смерти грѣшникомь, но ожидая обращениа, приемляи кроткыа, и упокоевая смиреныа по дѣанию добродѣтели их. Бысть в богоспасаемѣмь градѣ Тфери при благовѣрном великом князи Иване Михаиловиче священному епископу Арсению Тферскому, от житья преставитися сицевымь образом. Индикта 2, приспѣвшу

---

[123] См. об этом тексте с атрибуцией его Епифанию Премудрому: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 123—152; ср.: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 123 (без ссылки на Г. М. Прохорова утверждается, что «описание последних дней Киприана и его кончины принадлежит, несомненно, Епифанию Премудрому»).

[124] Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 146.

[125] Там же. С. 150.

[126] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

[127] См. об этом тексте: Лурье Я. С. Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 197—201 (особенно с. 199—200).

[128] ПСРЛ. Т. 5. С. 257.

[129] См. публикацию части текста по списку НК с атрибуцией Епифанию Премудрому: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 149—150; о списках: Конявская Е. Л., Прохоров Г. М. Арсений // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 68—70 (особенно с. 70). По мнению Б. М. Клосса, автором является не Епифаний, а Кирилл Тверской (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 123—124).

сбору всегодищному, и многолѣтствовахом пастырю и учителю своему в неделю сборную, в понеделник же поучение слышахом от устъ его, и нѣкаковаа исправлениа о законных дѣлех, послѣ же всѣмь благословение и прощение, и отъидохом въсвояси. Бысть же месяца февраля 28, тоя же недели в четверг, поболѣ главою велии нашь учитель, к полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися гласу. Наставшу месяцю марту, по книжному день первыи, а по лунному февраля 15, в пяток по заутрении, приходить к нему князь великыи с своею братьею, и з детми, и з боляры, и съзывает архимандриты, и игумены, и попове на освящение масла и на помазание святителя. Сему же тако бывшу, приходящим же к нему всѣмъ благословениа ради и прощениа, глубоцѣ нощи суще, присѣдяху у него 10 черноризцов, чающе нѣкоего словеси услышати от него, и не бысть гласа, ни послушаниа. О нужа, страхъ бо ны обдержит и ужасъ: в толицѣ сыи славѣ и чьсти бываи, лежит безгласенъ, и нечювствен истязаяся, приемля за пищу алкание, за покои болѣзнь, за беспечалие тугу; увы, увы, слышати въздыханиа болезньная, и стенаниа сердечнаа. Тое нощи бысть за полътретья часа, пастырь нашь и учитель, сборныа великыа церкве святаго Спаса настолникъ от житиа к Богу отходить, нас же сирых оставль, своя овця, не имущих пастыря. О нужда, плач и рыдание, вопль мног! По Богослову: не злѣ ли и болезнь, нѣ старость над главою, печалемь сплетение, изчезе доброта, умножися злоба, друзи невѣрны, церковь бес пастыря, путье нощию, свѣщи нѣсть, посѣтитель спит; бываи на своемь столѣ, добрѣ упасъ свою церковь лѣт 19 и 6 месяць, месяца марта в 2, свитающи суботѣ, на память святого священномученика Феодота Киринеиска. И вложи Богъ в мысль великому князю и всѣм людемъ положити честное тѣло его у святои Богородици въ богосъзданиѣмь его монастырѣ и у святых отецъ Феодосиа и Антониа. Събравшу же ся събору священному и всему множеству народа, и пѣвше надгробное в святомь Спасѣ, и проводиша и честно в богосъзданѣ его церкви, и тамо пѣвше над гробомь, и положиша и в гробъ. О великое человеколюбие Божие! Бывъ пастырь и посѣтитель всеи земли Тферскои, гробу предается, имѣа честь славну и слугы доволны, обладаемаа вся преминушяся по пророку: в тои день погыбнут вся помышлениа их, в гробѣ покрываются; котораа слава свѣта сего пособьствуеть, токмо единь Господь Богъ, владыка всемогии Иисус Христос, и пречистаа его мати, да избавит ны в день будущаго суда, в вѣкь на вѣкъ, и в вѣкъ вѣку. Слава в Троици единому Богу. Аминь».

Хотя в С1 вообще нет упоминания о кончине Арсения Тверского, ее источник (НК1) содержит краткое известие («Тое же весны преставися епископь Тферскии Арсении»: НК, л. 296), очевидно, замененное на подробный рассказ в своде-протографе С1—НК2. Следует заметить, что этот текст, по мысли Г. М. Прохорова, сочинен также Епифанием Премудрым для общерусской летописи[130] и отдельно в рукописной традиции не встречается.

Итак, гипотеза Г. М. Прохорова о том, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов, к тому же «способных к самостоятельному существованию»,[131] наталкивается на существенные возражения. Перечисленные выше тексты центральнорусского происхождения, очевидно, не могли быть включены в состав НК2 редактором-новгородцем; они находились в составе его центральнорусского летописного ис-

[130] Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 149—150, 152.
[131] Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 181.

точника (протографа С1—НК2), а при составлении оригинала дошедших до нас списков С1 названные тексты были сокращены.[132]

Придя к этому выводу, мы должны по-новому взглянуть и на проблему интерпретации всего комплекса разночтений С1 и НК2. Выявленная нами характерная особенность редактирования архетипа С1 — сокращение различного рода текстов, видимо, проявляется и в целом ряде других случаев. Наиболее существенные из них встречаем в составе летописных повестей конца XIV—начала XV в., впервые появляющихся в протографе С1—НК2.

Так, например, в Повести «О различныхъ градопленениих, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» (1372 г.) в архетипе С1 сокращена фраза «Кто, братье, о семь не поплачется, кто ся осталъ живых, видѣв како они горкую и нужную смерть подъяша, и святыа церкви пожжены, и град всь отнюдь пустъ, ниже от поганых бывало таково зло» (здесь и далее текст цитируется по НК).

В Повести 1375 г. о событиях в Твери С1 сокращает заголовок: «Того же. О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью», в Повести того же года «О Прокоповѣ кончинѣ» — заключительную фразу «И такова бысть кончина Прокопу и его дружинѣ».

Не как вставку новгородца, а как первоначальное чтение протографа С1—НК2, следует теперь расценивать и фразу из Летописной повести о Куликовской битве (1380 г.): «А не яко при нынешних временех литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беду оставльше и на предлежащее възвратимся».[133]

Далее, редакторским сокращением следует объяснять и отсутствие в С1 читавшихся в протографе С1—НК2 нескольких крупных фрагментов из Повести «О плѣнении и о прихожении Тахтамыша царя, и о московскомъ взятьи» (1382 г.): «...и святыа церкви стояше акы разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши. Плачется церкви о чядех церковных, паче же о избьеных, яко матере о чядѣх плачющися. О, чада церковнаа, о, страстотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претръпѣсте от огня и мечя, от поганых насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, ею же многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургиа, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвеницѣ, престала молитва заутреняа и вечерняа, преста гласъ псалму, по всему граду умлъкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то нам створиша! Где благочиние и благостоание церковное, где четци и пѣвци, где клиросници церковнии, где суть священници, служащии Богу день и нощь? Вси лежать и почиша, вси уснуша, вси посѣчени быша и избьени быша, усѣчениемь меча умроша. Несть позвонениа в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славословиа, ни

[132] Между прочим, Г. М. Прохоров, предполагая влияние центральнорусского источника типа Лаврентьевской или Троицкой летописи на НК2 «по крайней мере по статью 1392 г.», считает, что «НК2 обычно берет статью в том объеме, какой она имеет в С1, но внутри нее производит отдельные замены — как бы восстанавливает первоначальные чтения» (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 178—179). Мы, однако, приходим к выводу, что во всех этих случаях НК2 как раз и отражает текст более первоначальный, чем сохранившийся в С1.

[133] См. историю вопроса и аргументацию в пользу новгородского происхождения фразы: Кучкин В. А. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 86—87. Б. М. Клосс, напротив, связывает появление этой фразы с «явной антилитовской направленностью» Свода митрополита Фотия (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 117).

хвалословиа, не бысть по церквамъ стихословиа и благодарениа. Въистину суета человѣчьскаа, и бысть всуе мятежь человѣчьскыи. Сице же бысть конець московскому плѣнению. Не токмо же едина Москва взята бысть...»; «И кто нас, братие, о семь не устрашится, видя таковое смущение Рускои земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: Аще хощете, послушаете, благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашь на вразех ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никим же гоними, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста тма», «А опрочь того, елико здѣлаша татари напасти же и убытка Руси и княжению великому, елико створиша протора своимь ратнымъ нахожениемь, колико град плениша, колыко злата и сребра и всякого товара взяшя, и всякого узорочьа, колико волостеи и селъ повоевашя, колико огнемь пожгоша, колико мечемь посѣкошя, колико в полон поведоша! И аще бы мощно было то вси убытки, и напасти, и проторы исчитати, убо не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысящ рублев не имет число!»; «...оханье сѣтовалное, ...изчезновение, попрание, безчестие, поругание, посмѣание врагов, укоръ, студ, срамота, поношение, уничижение».

В Повести «О том, како приходилъ князь великии Московскыи ратью к Новугороду к Великому» (1386 г.) редактор С1 сократил принадлежавшую протографу С1—НК2 фразу: «...а инии с студениа помроша, занже низовци их грабили до нага тѣла, а иныи полонъ на миру отпущали» (ее принадлежность протографу подтверждается, между прочим, схожим по смыслу пассажем в Повести 1372 г : «...видяще над собою грабление, а они одираху до послѣднеи наготы... тые от срамоты и бѣды в водѣ истопошася»).

Бесспорно восходят к протографу С1—НК2 многочисленные «избыточные» чтения НК2 в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя рускаго» (1389 г.). На самый большой «избыточный» период (занимающий в рукописи л. 389 об.—391 об.) обратили внимание М. А. Салмина и Я. С. Лурье, указав на тот факт, что его отсутствие в С1 делает текст бессвязным.[134]

Этот «избыточный» текст уже был издан по списку НК (частично М. А. Салминой и частично Г. М. Прохоровым). Начинается он со слов «Бчелы ничим же хужшу ему быти...» (издан до слов «предобляго господина ми слово изнести восхотѣх...»[135]). Далее текст издан Г. М. Прохоровым от слов «...инъ добродѣтели вид и въздержание, еже святыи любляше...» до слов «...двѣ главѣ бышя философовмь, Платонъ и Пифагоръ: овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ млъче, понеже. .»;[136] потом следует текст «Письма заказчику», вычлененный из «Слова...» Г. М. Прохоровым («Преподобство твое испроси у нашего художества слова... но токмо колико слышал еси, сице. О Господѣ, здравствуи!»[137]), и наконец, продолжение самого сочинения: «...Богъ двоиства не имѣет, душамъ имѣеть троиство... а не якоже человеци мертвии, преже смерти скончашася».[138] Наконец, окончание «избыточного» текста НК2 вновь следует смотреть в издании М. А. Салминой (от слов «Солнцю же доброта и величьство...» до слов «.. яко солнце, лучя испущаа и вся съгрѣя»).[139]

---

[134] Лурье Я С Еще раз о Своде 1448 г С 212—213

[135] ПЛДР XIV—середина XV века М , 1981 С 222—224 (подгот текста М А Салминой)

[136] Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы С 104

[137] Там же С 89—90

[138] Там же С 104, 110—111

[139] ПЛДР XIV—середина XV века С 224—226

Очевидно, что весь этот «избыточный» период религиозно-философского характера, как и включенное в него случайно «Письмо к заказчику», принадлежит автору самого сочинения и не мог быть добавлен при создании НК2. Г. М. Прохоров вынужден был предположить, что текст «Слова...» был либо «выправлен» составителем НК2 по «исправному списку», либо «просто заменен»,[140] однако представляется бесспорным, что и этот текст восходит к протографу С1—НК2, но был сокращен в С1.

Такое редактирование в целом соответствует общей тенденции изменения текста в архетипе С1: сокращаются (или лишаются ритмичности[141]) недостаточно информативные, «поэтические» тексты, либо не подходящие, с точки зрения редактора, для летописи в жанровом отношении (грамоты патриарха, «хождение» и т. д.).

Приведенные наблюдения вынуждают нас пересмотреть представление Г. М. Прохорова о том, что текст НК2 в целом вторичен по отношению к С1. Очевидно, с большой степенью вероятности можно утверждать, что НК2 представляет собой выборку из более раннего текста, чем тот, который дошел до нас в составе С1. Таким источником, по нашему мнению, и был летописный Свод митрополита Фотия.

В этом своде, в целом более полно (по объему) отраженном в С1, но, как правило, более точно — в выборке НК2, «поэтические» тексты, создание которых Г. М. Прохоров, а теперь и Б. М. Клосс справедливо связывают с именем Епифания Премудрого, должны были читаться в том же виде, что и в НК2. Наличие в протографе С1—НК2 (Своде Фотия) «некрологов» Михаилу Тверскому, Киприану и Арсению Тверскому, а также «Слова о небесном знамении», приписываемых Епифанию Премудрому, подтверждается их стилистической родственностью и предполагаемой общей атрибуцией с рядом других летописных повестей, впервые появляющихся в составе протографа С1—НК2 (начиная с Повести «О различныхъ градопленениих, о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» 1372 г.,[142] «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича...», и вплоть до «Некролога» Арсению Тверскому 1409 г.).[143] Можно полагать, что включение в состав летописи предполагаемых творений Епифания носило единовременный характер и было одной из наиболее существенных характерных черт реконструируемого гипотетичекого летописного свода митрополита Фотия.

Итак, мы приходим к определенному заключению, что НК2 не просто восходит к С1 в ее протографичном виде, как полагает Г. М. Прохоров,[144] а отражает не сохранившийся в первоначальном виде их общий свод-протограф (Свод митрополита Фотия). Для реконструкции состава этого свода нельзя просто привлекать и сопоставлять общие чтения С1

---

[140] Прохоров Г М Летописные подборки С 180

[141] См , например, в С1 сокращенный прозаический пересказ «Плача о разоренной Москве» из Повести о нашествии Тохтамыша (ПСРЛ СПб , 1853 Т 6 С 102, 110)

[142] См Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы С 149

[143] См также Клосс Б М Житие Сергия Радонежского С 110—116, 119—124 Для будущих исследований по атрибуции летописных повестей С1 и НК2, наряду со стилистическими сопоставлениями, может оказаться существенным тот факт, что в заглавии двух повестей в НК2 указано «Того же» (1375 г «Того же О воинѣ и о брани, иже бѣ под Тферью индикта 13, о Великомъ заговѣньи», 1380 г «Того же О побоищи, иже на Дону, и о томь, что князь великии бился съ Ордою»), причем в первом случае такое написание явно не может рассматриваться как дефектная (сокращенная) формула «Того же [лета]», ибо находится в самом начале годовой статьи

[144] Прохоров Г М Летописные подборки С 182

и Н4, предположительно включая и часть текстов, дошедших только в одной из этих летописей (как следовало из концепции А. А. Шахматова—Я. С. Лурье), но невозможно и ограничиться самим «реальным» текстом С1 (что вытекает из взглядов Г. М. Прохорова).

Для определения реконструируемого состава свода, на наш взгляд, необходимо привлечение текстов как его непосредственного источника — НК1 («Свода 1411 г.»), так и текстов обоих летописных памятников, восходящих к нему напрямую: С1 и НК2.

Можно отметить, что для реконструкции состава Свода Фотия вообще нет смысла привлекать текст Н4, так как эта летопись восходит не собственно к своду, а, главным образом, к одному из его источников (НК1) и к отразившему свод напрямую памятнику — НК2 (с дополнениями по Н1мл.). Кроме того, Н4 использует еще один источник, отличный от упомянутых выше, — это С1. Г. М. Прохоров, отметив ряд случаев (всего 14), когда текст Н4 независимо от подборок НК совпадает с центральнорусским источником, счел их незначительными и предложил объяснить их существование дефектами или лакунами в дошедшем до нас списке НК или в одном из предшествовавших ему списков [145] Несомненно, писцы могли ошибаться, однако обращает на себя внимание определенная тенденция этих общих для С1 и Н4 дополнений, вряд ли возможная при случайном характере предполагаемых Г. М. Прохоровым пропусков· целый ряд из них связан с отношениями Пскова и «Немцев».[146] К числу общих для С1 и Н4 дополнений, неизвестных ни НК1, ни ее источнику (Н1мл.), ни НК2, следует отнести и такое существенное чтение, как известие о казни стригольников (6883 (1375) г.: «И тогда стригальниковъ побиша, дьякона Микиту, дьякона Карпу, 3-ее чловѣка его, и свергоша ихъ с мосту»). Приведенный Г. М. Прохоровым ряд общих чтений С1 и Н4, отсутствующих в НК1, НК2 и Н1мл., может быть дополнен. К известиям, очевидно, взятым составителем Н4 из С1, относится также обширный перечень сожженных новгородских монастырей и церквей во время осады города москвичами (6894 (1386) г.).[147] Таким образом, Н4 не является непосредственным отражением Свода Фотия, поэтому текст этой летописи не может использоваться при реконструкции его состава.

Для того чтобы очертить состав реконструируемого гипотетического свода, важно отметить тот факт, что по объему С1 примерно в два раза больше НК1, и это удвоение объема в первую очередь обусловлено включением в текст С1 целого ряда общерусских повестей конца XIV—начала

---

[145] Там же С 185

[146] Например, под 6849 (1341) г в Н4 читается в соответствии с С1 «Того же лѣта мѣсяца септября убиша нѣмци в Латыголѣ на сѣлѣ на Опочнѣ псковьскихъ пословъ 5 мужь, Михаля Любиновича с други, на миру, и плесковици, ѣхавше съ княземь Александромъ Всеволодовичемъ, повоеваша Латыголу, и князь Александръ, учинивъ розратье с нѣмци, и поѣха прочь», под 6875 (1367) г к известию о походе псковичей против немцев добавлено (как и в С1) « и убиша у плесковичь Селилу воеводу», под 6917 (1409) г в Н4 (как и в С1) добавлено «Пьсковичи взяша миръ с Витовтомъ и с Нѣмци» (схожее известие есть и в Н1мл , но Н4 дословно совпадает с С1, а с Н1мл расходится)

[147] ПСРЛ Т 4, ч 1, вып 2 С 346 Это известие, хотя и связано с Новгородом, по своему происхождению является, вероятно, московским В перечне монастырей среди обителеи Софийской стороны (после Юрьева и перед Пантелеевым) упоминается некий «Рожественыи», по другим источникам неизвестный Если перечень принадлежит перу московского книжника, то эту ошибку следует объяснять наличием Рождественской церкви в Юрьевом монастыре Новгородец, наверное, так не мог ошибиться Заметим, что этот перечень монастырей отсутствует в С1мл , поэтому можно предположить использование составителем Н4 именно С1ст

XV в. Характер дополнений С1 по сравнению с НК1 рельефно вырисовывается при анализе состава НК2 — летописной подборки, восходящей к «Своду 1418 г.». Текст НК2 содержит практически только те известия С1, которых нет в НК1. Возражая Г. М. Прохорову, Я. С. Лурье считал невероятным чудом то, что один текст (НК2) возникает из другого (С1) путем скрупулезного, филологически точного удаления содержащихся в этом другом заимствований из третьего (НК1).[148] Ничего чудесного, однако, нет в том, что составитель НК2, если он имел в своем распоряжении НК1, стремился для рационального уменьшения объема своей работы избежать повторений уже известного ему текста, т. е. не тратить время на переписывание текстов, совпадающих в своде-протографе (Своде Фотия) с НК1. В таком случае текст НК2 позволяет ясно увидеть, чем составитель их общего с С1 протографа дополнил один из своих основных источников — НК1.

В реконструкцию Свода Фотия следует включить текст НК1, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих в С1 (такие известия, очевидно, сокращались при составлении Свода Фотия). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК1, и в С1, можно утверждать, что он бесспорно находился и в Своде Фотия.

Далее, в реконструкцию Свода Фотия должен быть включен текст НК2, за исключением явно местных новгородских известий, отсутствующих как в НК1, так и в С1 (такие известия, очевидно, добавлялись при составлении НК2). В тех случаях, когда текст присутствует и в НК2, и в С1, можно утверждать, что он бесспорно находился и в Своде Фотия.

Текст, находящийся только в С1 (отсутствующий в НК1 и НК2), может быть возведен к Своду Фотия лишь предположительно, но с большой долей вероятности. Его отсутствие в новгородских версиях может объясняться либо случайными пропусками списка НК, либо сознательным сокращением ненужного в Новгороде (или неприятного новгородскому летописцу) материала. Что касается редактора архетипа С1, то он, судя по всему, не дополнял, а только сокращал и редактировал текст свода, поэтому «избыточные» по сравнению с новгородскими версиями чтения С1 следует все же возводить к самому Своду Фотия.

5. Вопрос о датировке Свода Фотия

Как известно, С1 дошла до нас в двух редакциях — старшей и младшей. В обоих списках С1 старшей редакции (далее — С1ст.)[149] последние статьи относятся к 1418 г., а в списках младшей редакции (далее — С1мл.) после 1418 г. имеются лишь редкие записи за отдельные годы, практически не совпадающие в части до 1428 г. с НК и Н4.[150] Логично было бы предположить, что текст С1 заканчивался 1418 г., и датировать создание свода-протографа С1—НК2 приблизительно этим временем. Однако некоторые исследователи вслед за А. А. Шахматовым (полнее всего Я. С. Лурье) выдвинули ряд аргументов в пользу более поздней датировки гипотетического общерусского свода — 1430—1440-ми гг. (или даже 1448 г.). Рассмотрим заново эти аргументы.[151]

---

[148] Лурье Я. С. Еще раз о Своде 1448 г. ... С. 211.

[149] Списки Карамзина (РНБ, F.IV.298) и Оболенского (РГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3).

[150] ПСРЛ. Т. 5. С. 81—275; Т. 6. С. 1—111.

[151] В более кратком виде аргументация была изложена в статье 1993 г.: Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. С. 6—11.

а) Датировку свода (протографа С1 и Н4 в его понимании) 1448 г., как известно, предложил еще А. А. Шахматов на основании интерпретации записи под 1380 г., где указано, что Пасха в 1380 г. совпала с Благовещением, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета (т. е. в 1296 г. — *А. Б.*), а потом будет за 80 лет без лета (т. е. в 1459 г. — *А. Б.*), а потом будет за 11 лет». Так как в 1470 г. (1459 + 11) Пасха с Благовещением не совпадает, то А. А. Шахматов предложил не прибавить, а отнять эти 11 лет от 1459 г. и получил предполагаемую дату составления свода — 1448 г.[152] Очевидный недостаток такой интерпретации текста заключается в том, что в одном случае предлагается понимать одни и те же слова «потом будет за...» как основание для прибавления указанной даты, а в другом — для вычитания. Конъектура А. Поппэ, предложенная им в письме Я. С. Лурье и обнародованная последним,[153] дает возможность понимать слова «а потом будет за 11 лет» в прямом значении. По мнению А. Поппэ, перед этими словами пропущена фраза «а потом будет за 80 лет и за 4 лета» (гаплография: ср. начало записи), т. е. совпадение праздников в 1543 г. (1459 + 84 = 1543), а затем через 11 лет — в 1554 г. В таком случае можно представить себе, что в протографе С1—НК2 текст читался следующим образом:

«В лѣто 6888. Благовѣщение бысть въ Великъ день [= 1380 г.],
а перво сего было за 80 лѣтъ и за 4 лѣта [= 1296 г.],
а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта [= 1459 г.],
— **[а потомъ будеть за 80 лѣтъ и за 4 лѣта] [= 1543 г.],**
а потомъ будеть за 11 лѣтъ»[154] [= 1554 г.].

Исправление текста по А. Поппэ вполне обоснованно палеографически, а главное, текст становится понятен и точно отражает хронологические интервалы между совпадениями Пасхи и Благовещения.[155]

б) Общий текст двух редакций С1 оканчивается 6926 (1418) г., однако встречающиеся в С1ст. под 1418 г. два летописных известия (преставление княгини Анастасии 11 июля и пожар в Москве 18 августа) находятся в С1мл. под 1422 г.:[156]

---

[152] Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 98. С этой точкой зрения согласился Я. С. Лурье (К проблеме свода 1448 г. С. 142—144), хотя сам А. А. Шахматов, как известно, после возражений А. В. Маркова отказался от термина «Свод 1448 г.» и стал называть его «предположительно 30-х гг. XV в.» (см.: Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 366; Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 447—449).

[153] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 109.

[154] Пропуск был допущен уже в протографе С1—НК2, так как в НК2 также находится ошибочное чтение.

[155] Г. М. Прохоров предложил свой вариант объяснения этого текста. По мнению исследователя, из текста записи ясно, что писец работал в 1380 г. Г. М. Прохоров также считает, что после слов «а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта» [1459 г.] читалось соответствующее хронологии «а потом за 80 и 4 лѣта» [1543 г.], но в результате описки «невнимательный переписчик» принял буквенное обозначение 84 (ПД) за буквенное обозначение 11 (АІ) (Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 193). При таком объяснении кажется совершенно неправдоподобным, что получившееся в результате описки (случайного искажения) чтение «а потомъ будеть за 11 лѣтъ» оказалось точно соответствующим следующему за упомянутым интервалу между совпадениями Пасхи и Благовещения (1554 г. — 1543 г. = 11).

[156] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 108 (ПСРЛ. Т. 5. С. 261—262). Именно на основании сопоставления известий о кончине Анастасии и пожаре в Москве в С1ст. и С1мл. А. А. Шахматов датировал завершение текста С1 1422 г. (Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 209).

С1ст.	С1мл.
6926 (1418). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитриевича въ Звенигородѣ.	6930 (1422). «Мѣсяца июля 11 преставися благовѣрная княгини Анастасия княжа Юрьева Дмитреевича во Звенигородѣ, а положена бысть на Москвѣ въ манастыри святого Възнесения.
Того же лѣта Москва город погорѣ, мѣсяца августа 18, въ полунощи загорѣся, а назаутрие о полудне преста горѣти».	Того же лѣта Москва городъ погорѣ, мѣсяца августа въ 18, въ полъночь загорѣся, а назавтрие о полудни преста горѣти».

По своему содержанию эти известия не поддаются проверочной датировке независимым источником, поэтому в принципе их можно было бы относить как к 1418 г. (согласно С1ст.), так и к 1422 г. (согласно С1мл.). Недавно, однако, М. А. Шибаеву удалось найти убедительное объяснение расхождения дат в двух редакциях С1. По его мнению, составитель С1мл. обнаружил под 6929 (1421) г. известие о приезде в Москву другой *княгини Анастасии, дочери Василия Дмитриевича,*[157] *но не понял, что* речь идет о разных людях, и поэтому перенес известие о смерти Анастасии *из статьи 6926 (1418) г. в 6930 (1422) г. Таким образом, первоначальный* вариант текста читается в С1ст., и оснований предполагать окончание протографа С1 не 1418 г., а 1422 г. не существует.[158]

в) В НК2 под 6932 (1424) г. есть известие о вокняжении Василия Васильевича. Оно есть и в С1мл. под 6933 (1425) г.[159] Однако текстуально эти известия не совпадают, а внесение в добавочные статьи списков столь важного известия могло быть сделано независимо друг от друга. Такое предположение подтверждается и отсутствием этого известия в С1ст.

г) Я. С. Лурье отмечает бедность материала в записях 1408—1418 гг., в то время как современник, по его мнению, мог пользоваться обильными и свежими источниками.[160] Но тогда еще удивительней при более поздней датировке общерусского свода оказывается практически полное отсутствие записей за 20—40-е гг., хотя бы не политически острых, которые могли быть сокращены, но и нейтральных. Так, в С1мл., в которой Я. С. Лурье видит отражение текста «Свода 1448 г.», вообще нет годовых статей 1419—1421, 1424, 1428—1430, 1435—1436, 1440, 1442—1444 гг. Кроме того, надо сказать, что обильные источники за 1408—1418 гг., которыми, по мнению Я. С. Лурье, мог бы пользоваться составитель свода, вообще не существуют. Еще Н. М. Карамзин отмечал бедность известий всех летописей за эти годы.[161]

д) Я. С. Лурье отметил, что для протографа С1 характерна тема осуждения «братоненавидения» — борьбы между князьями, что, по его мнению, мало актуально для конца 10-х гг. XV в. «Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем», — отмечает исследователь.[162] Но это не совсем так: борьба Ивана и Даниила, сыновей Бориса Константиновича, за свою отчину (1411—1418 гг.), столкновение Москвы и Новгорода в 1417 г. и особенно конфликт Василия Дмитриевича с бра-

---

[157] См., например: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 245.

[158] Доклад М. А. Шибаева «Наблюдения над текстом Софийской первой летописи» на диссертационном семинаре Европейского Университета С.-Петербурга (Факультет истории), апрель 1998 г.

[159] ПСРЛ. Т. 5. С. 263.

[160] Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 134; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 112.

[161] Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 114, примеч. 207.

[162] Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 135; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 111.

том Константином 1418 г. (см. о нем подробнее далее), закончившийся отъездом Константина в Новгород в самом начале 1419 г., свидетельствуют об актуальности темы осуждения междоусобных распрей и в это время.[163]

е) Отмечая антитатарские настроения составителя свода-протографа С1, Я. С. Лурье пишет: «Никем не ставился еще в первые десять лет после нашествия Эдигея и вопрос о борьбе с Ордой».[164] Однако сам же Я. С. Лурье в другой статье признает, что составитель летописного свода 1412 г. был сторонником «не осторожного маневрирования, а более смелой и достойной политики в отношении Орды».[165] Уже в «Повести о Едигее» в Тверском своде 1412 г. отразились антитатарские настроения эпохи.

Итак, выдвигавшиеся исследователями аргументы в пользу относительно поздней (1430—1440-е гг.) датировки свода-протографа С1, на наш взгляд, не являются доказательными.

Аргументы в пользу более ранней датировки протографа С1 представляются более весомыми:

а) Анализируя состав церковно-юридических статей в С1, Я. Н. Щапов показал, что они были утверждены грамотой митрополита Киприана в 1402 г., в то время как тот же церковный сборник, при том же князе Василии Дмитриевиче был подтвержден вторично такой же грамотой митрополитом Фотием в 1419 г. и в этом виде получил новое распространение на территории Русского государства.[166] Исследователь справедливо, на наш взгляд, заключает, что включение в С1 сборника не 1419 г., а 1402 г. может свидетельствовать о том, что это было сделано еще до 1419 г.[167]

б) Особенно сложным и важным представляется вопрос о датировке и происхождении целого ряда повестей, впервые появляющихся в протографе С1—НК2, в том числе «Повести о Куликовской битве»,[168] «Повести о нашествии Тохтамыша»,[169] «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича»[170] и многих других текстов. Разумеется, на исследователей не могла не оказывать влияния принятая в науке датировка общерусского свода 30—40-ми гг. XV в., и они пытались найти в этих повестях черты эпохи феодальной войны. Так, например, М. А. Салмина, убедительно доказавшая в цикле работ вторичность упомянутых повестей по отношению к текстам, встречавшимся в Троицкой летописи (или в своде 1409 г.),[171] менее аргументированно, на наш взгляд, предложила датировать повести концом 40-х гг. XV в.[172] Предложенная

---

[163] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 4. С. 355—362.

[164] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 111.

[165] Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

[166] Щапов Я. Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 178.

[167] Там же.

[168] См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 244—246 (здесь же библиография).

[169] См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254—255 (здесь же библиография).

[170] См.: Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403—405 (здесь же библиография).

[171] См. библиографию в указанных статьях «Словаря книжников».

[172] Датировка «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» XVI в., предложенная М. А. Салминой позднее (Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого

М. А. Салминой датировка ряда повестей свода-протографа С1 не является общепринятой; так, например, Г. М. Прохоров высказал, вслед за А. В. Соловьевым, убедительно аргументированное предположение о том, что автором «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» является Епифаний Премудрый (ум. между 1418 и 1422 гг.),[173] а Л. А. Дмитриев считал автора «Повести о нашествии Тохтамыша» (1382 г.) современником, а возможно, даже очевидцем нашествия.[174]

в) Один из доводов М. А. Салминой, которому Я. С. Лурье придавал особое значение для датировки свода,[175] заключается в следующем: в рассказ о смерти Дмитрия Донского (в «Слове о житии...») вставлены цитаты из его завещания, причем к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано (по сравнению с текстом Духовной грамоты Дмитрия) добавление: «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда».[176] М. А. Салмина, а вслед за ней и Я. С. Лурье связывали это добавление с политической позицией Василия II, искавшего в 1432 г. в Орде великого княжения на основании аналогичной формулы: «Князь великы по отечьству и по дѣдьству искаше стола своего...».[177] Однако анализ именно этого летописного известия убеждает в том, что свод, включающий «Слово о житии...» (т. е. протограф С1—НК2), к 1432 г. уже существовал.

Приведем этот летописный фрагмент полностью:

«Князь великы по отечьству и по дѣдьству искаше стола своего, князь же Юрьи — лѣтописци старыми списки (разрядка моя. — *А. Б.*) и духовною отца своего великого князя Дмитрея».[178]

«Старые списки» летописцев (вместе с Духовной грамотой) здесь явно противопоставляются неназванным новым, на которые Юрий Дмитриевич уже не мог сослаться, чтобы подтвердить свои права. Именно так понимал этот текст и М. Д. Приселков, писавший: «...в Орду не только возили наши летописные тексты, но и выбирали разные редакции этих текстов, конечно, старыми редакциями («старыми спискы») опорочивая работу редакторов современных».[179] Далее исследователь уточнил: «Автор (летописного известия. — *А. Б.*) хочет сказать, что князь Юрий повез к хану не новый список Летописца, а старые его списки...».

Таким «новым списком летописца» и был, очевидно, свод-протограф С1—НК2, формулировка которого «яже есть стол отца его и деда и прадеда» фактически процитирована использованной в споре в Орде 1432 г. формулой «по отечьству и по дедьству». И дело тут даже не в самой формуле, а в ее понимании. В Троицкой летописи, судя по всему, также

князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162), как справедливо отметил Г. М. Прохоров, опровергается фактом существования списков XV в. (Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 119). Ср. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116.

[173] Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85—106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 88—122. См. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 111—117.

[174] Дмитриев Л. А. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV—середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180. См. также: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 111.

[175] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 113.

[176] ПСРЛ. Т. 6. С. 108 (см.: Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 99—100).

[177] ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103; Т. 25. С. 249.

[178] ПСРЛ. Т. 27. С. 103; ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

[179] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 41.

уже была использована формулировка «яже есть стол отца его и деда и прадеда», но речь шла о том, что Василий Дмитриевич получил великое княжение, как и его отец, дед и прадед, от царя («...а посаженъ бысть царевым посломъ Шихматомъ»),[180] в то время как в «Слове о житии...» явно намекается на получение великого княжения как «отчины», наследуемого владения (Дмитрий Иванович «призвавъ сына своего прьвие болшаго, князя Васильа, на старѣишии путь, предасть в руцѣ его великое княжение, яже есть столъ отца его, и дѣда, и прадѣда, съ всѣми пошлинами, *и далъ есть ему отчину свою Рускую землю*»). Новгородский летописец тонко чувствовал эту разницу между «отчиной» (уделом) и великим княжением: «...князь Василеи прииде въ отчину свою на Москву. И тогда прииде из Орды посол Уланъ царевич, и посади его на великомъ княжении» (НК2, в С1 текст изменен).

Спор в Орде 1432 г., таким образом, можно думать, был отчасти текстологическим, и князь Юрий Дмитриевич мог легко доказать, что ни в духовной грамоте его отца, Дмитрия Донского, ни в старых летописях не говорилось о принципе наследования не только великого княжения, но и самого удела «по отчине и дедине».[181] В подлинном завещании Дмитрия Ивановича, напротив, прямо говорится: «А по грехом отъимет Бог сына моего Василья [Дмитриевича], а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев удел...».[182] Правда, А. А. Зимин, интерпретируя этот текст, писал: «...говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он (Дмитрий Донской. — *А. Б.*) как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему».[183] Но и в таком случае Юрий Дмитриевич мог ссылаться в Орде на это завещание как на аргумент в пользу своих прав.

Судьбу великого княжения решила, однако, не текстология: согласно Московскому летописному своду конца XV в., боярин великого князя Иван Дмитриевич Всеволожский в своей речи противопоставил мертвой грамоте (т. е. завещанию Дмитрия Ивановича) «жалование волного царя», что на тот момент решило спор о великом княжении в пользу Василия II.[184] На самом же деле впереди была еще 30-летняя феодальная война.

Итак, можно утверждать, что к 1432 г. летописный Свод, содержавший формулу «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда» в такой интерпретации, что на нее можно было опереться в споре о получении великого княжения, уже существовал.

г) Для датировки того летописного свода, в котором уже появилось понимание «стола отца его и дѣда и прадѣда» как «отчины», принципиальное значение имеет тот факт, что вопрос о наследовании после Василия Дмитриевича великого княжения возник при его жизни, уже в 1418—начале 1419 г. Как отмечается в Н1мл., 25 февраля 1419 г. в Новгород приехал брат великого князя Константин Дмитриевич, «а про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великыи Василии хотѣлъ его в чeлование привести под своего сына Василья: и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбье на него, и отъима у него всю отчину, и бояръ его поима, и села и животы их отъима».[185]

---

[180] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 434—435.
[181] Ср.: ДДГ. С. 34—35.
[182] Там же. С. 35.
[183] Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 8.
[184] ПСРЛ. Т. 25. С. 249—250.
[185] НПЛ. С. 412.

Очевидно, для того чтобы в нарушение завещания Дмитрия Донского[186] «в челование привести» дядю под племянника, Василий Дмитриевич должен был иметь уже какое-то обоснование. Такое обоснование и содержал, на наш взгляд, текст протографа С1—НК2. Важно отметить, что если в своем первом завещании 1406 г. Василий Дмитриевич писал лишь о гипотетической возможности получения великого княжения его сыном («А даст Бог сыну моему [...] княженье великое держати...»), то во втором, датируемом 1419—1420 г., прямо говорится: «А сына своего, князя Василья, благословляю своею *вотчиною, великим княженьем*, чем мя благословил мои отець». Реакцию братьев Василия I можно понять по известию 1419 г. об отъезде в Новгород Константина Дмитриевича. В результате третье завещание 1423 г. повторяет первую из формул («А даст Бог сыну моему великое княжение...»).[187] Ясно, что появление в протографе С1—НК2 сближения между «отчиной» и великим княжением («столом отца и дѣда и прадѣда») должно было хронологически соответствовать именно второму завещанию Василия Дмитриевича, что дает нам датировку этого летописного памятника временем не позже 1423 г.

г) Идея местной автономии в рамках единого государства, на отражение которой Я. С. Лурье указывает в тексте гипотетического «Свода 1448 г.» (его он практически отождествляет с текстом С1),[188] не чужда эпохе митрополита Фотия: она знакома уже редактору свода 1412 г. и, как показал Л. В. Черепнин, отразилась в вошедшей в эту тверскую летопись «Повести о Едигее».[189]

д) Еще одним доказательством, убеждающим нас в датировке окончания свода-протографа С1—НК2 1418 г., является совпадение границы общего текста Московского свода 1479 г. (далее — МС) и Ермолинской летописи (далее — Ерм.) с завершением текста С1 на известии об убиении Михаилом Рассохиным Анфала и Нестера в 1418 г.[190] Именно этим известием и заканчивается текст С1. Полагая, что протограф МС и Ерм. отразил С1,[191] Я. С. Лурье не придал значения тому факту, что протограф МС—Ерм. еще раз дает независимое подтверждение окончания текста свода именно 1418 г.

е) Рассматривая источники свода-протографа С1, исследователи выделяют заимствования из новгородских, московских, ростовских, псковских, тверских, южнорусских летописных сводов, ни один из которых не датируется временем после 1418 г.[192] Напротив, изучая влияние свода-протографа С1 на позднейшее летописание, исследователи отмечают его использование уже в протографе Н1мл., доведенном до

---

[186] См.: Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 91—106; 2) Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 652, 737 и др.

[187] Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 9.

[188] Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135—152.

[189] Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства... С. 726.

[190] См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 155—156.

[191] Я. С. Лурье признает, что «в отдельных случаях обнаруживаются совпадения этого памятника (протографа МС—Ерм. — *А. Б.*) то со старшей, то с младшей редакцией С1, то с Н4» (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 155), что свидетельствует, очевидно, о непосредственном влиянии на него именно свода-протографа С1—НК2, а не архетипа С1 или С1ст. (ср.: Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 258—261).

[192] Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 93—104 (здесь же отмечены наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и М. А. Салминой).

1432 г.[193] Согласно нашим наблюдениям, влияние свода-протографа С1 на Н1мл. следует относить ко времени правления в Новгороде владыки Феодосия Клопского (1421—1423).[194]

Существование общерусского свода, созданного при митрополите Фотии, было подробно обосновано еще А. А. Шахматовым,[195] который, в частности, отметил особый интерес этого свода к событиям, связанным с Фотием. Исследователь предположил, что этот свод назывался «Владимирским Полихроном» именно потому, что был составлен митрополитом, кафедральным городом которого считался Владимир.[196] М. Д. Приселков уточнил датировку Свода Фотия, остановившись на 1418 г.[197] С этой датой согласился и Д. С. Лихачев.[198] Анализ исторической и культурной обстановки эпохи митрополита Фотия, данный в работах А. А. Шахматова, а также М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и некоторых других исследователей,[199] убеждает в том, что общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, скорее всего, мог быть создан в конце 10-х гг. XV в., около 1418—1419 гг., при митрополичьей кафедре в Москве.[200]

Я. С. Лурье, оценивая значение свода-протографа С1 для последующего летописания, называет создателя этого свода «Нестором XV в.».[201] Трудно представить себе, чтобы митрополичий свод, собравший воедино большое количество летописных и внелетописных источников, был создан во времена феодальной войны, когда на Руси вообще не было митрополита, либо при Герасиме (находившемся в Смоленске) или Исидоре (проведшем в Москве всего несколько месяцев, не считая периода заточения после возвращения с Ферраро-Флорентийского собора). Характерно, что Я. С. Лурье, отстаивающий представление об общерусском характере Свода, даже предположительно не мог связать его создание с каким-либо кругом книжников или политиков, в то время как «Свод 1418 г.» определенно связывается с именами и деятельностью митрополита Фотия и Епифания Премудрого. В этой связи совершенно справедливой представляется мысль Г. М. Прохорова, что Епифаний Премудрый до самой смерти (т. е. до 1418—1422 гг.) «мог служить своим пером... митрополиту Фотию»,[202] выполняя его заказы, в том числе и свя-

---

[193] См.: Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов... С. 163—171; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91—93; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 138; Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников. Вып. 1. С. 246.

[194] См.: Бобров А. Г. 1) Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 189; 2) Новгородские летописи XV века... С. 10.

[195] Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 162—176.

[196] Там же. С. 176.

[197] Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 213.

[198] Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 305—308.

[199] См., например: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 465—482.

[200] Б. М. Клосс также считает, что 1419 г. — это «верхняя граница времени создания митрополичьего свода», однако нижнюю границу он парадоксальным образом определяет как 1412 г., игнорируя тот текстологический факт, что общие чтения С1ст., С1мл. и НК2 доходят до 1418 г. (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116—117). Весьма существенным для датировки летописного Свода Фотия является указание Б. М. Клосса на его «антилитовскую направленность», что справедливо связывается исследователем с обострением отношений митрополита с Литвой после поставления в 1415 г. киевского митрополита Григория Цамблака, нормализовавшихся только после смерти последнего в 1419 г. (Там же. С. 117—119).

[201] Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. С. 28—38.

[202] Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 120.

занные с написанием целого ряда летописных повестей для летописного свода 1418 г.[203] Отметим, между прочим, что если троицкий инок выполнял такого рода «заказы», то вряд ли он мог быть одновременно и составителем самой летописи, но литературные достоинства «Свода 1418 г.» в первую очередь определялись вкладом именно этого писателя, поэтому «Нестором XV в.» можно назвать Епифания Премудрого.

Итак, подвергнув рассмотрению вопрос о датировке общерусского митрополичьего свода, отразившегося в С1 и НК2, мы пришли к определенному подтверждению вывода, сформулированного нами еще в статье 1993 г.: он мог быть создан только в 1418—1419 гг. Исполнителем работы по написанию ряда повестей для включения в этот выдающийся памятник летописания был, по всей вероятности, инок Троице-Сергиева монастыря Епифаний Премудрый, а «заказчиком» создания произведения в целом — митрополит киевский и всея Руси Фотий, поэтому мы и называем его «Летописный свод митрополита Фотия».

---

[203] Сведения о возможном заказчике летописи могут быть извлечены из обнаруженного Г. М. Прохоровым в составе «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича...» письма автора заказчику (см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 88—122). Справедливо предполагая в авторе «Слова...» и письма Епифания Премудрого, исследователь, однако, пишет: «...автор жил и работал не там, где его корреспондент-заказчик... — иначе ему незачем было бы писать ему письмо и сетовать на редкость встреч. ...Получается, что территориально от него удаленный заказчик, имевший, видимо, отношение к сводному общерусскому летописанию — причем отношение такое, какое давало ему право раздавать литературные заказы для общерусского летописного свода, — жил не в Москве» (Там же. С. 114). Это рассуждение требует уточнения: автор (Епифаний Премудрый) жил как раз не в Москве, а в Троице-Сергиевой Лавре, а заказчик (на наш взгляд, митрополит Фотий) по преимуществу находился в Москве. Мнение Б. М. Клосса о том, что «Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы Варлаама (Новгородского. — *А. Б.*) для составлявшегося в то время общерусского митрополичьего летописного свода» (Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 116), как уже было показано, чрезмерно гиперболизирует влияние и возможности юрьевского архимандрита.